РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ВЫРАБОТКИ

ПАРТІЙНОЙ ПРОГРАММЫ

Выпускъ I

Н. Рязановъ.

НОВАЯ ПРОГРАММА „РАБОЧАГО ДѢЛА“

Изданіе группы „БОРЬБА“.

ЖЕНЕВА.

1902

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая брошюра посвящена разбору „теоретической“ части „новой“ программы „Рабочаго Дѣла“. Она немного запоздала, потому что мы ждали обѣщанной Союзомъ программной брошюры.*) Но какъ видно Союзъ отказался отъ этой мысли и намъ пришлось довольствоваться тѣмъ комментаріемъ къ программѣ, который данъ въ 11—12 кн. „Рабочаго Дѣла“.

Резолюціи, касающіяся демонстраціи и террора, остались безъ разсмотрѣнія. Не потому что онѣ не даютъ никакого повода къ „придиркамъ“. „Практическія“ резолюціи Союза ничуть не лучше теоретическихъ. Но вопросы о терроръ и демонстраціяхъ, какъ средствахъ политической борьбы, удобнѣе разсмотрѣть въ связи со взглядами на нихъ „Искры“. Оставлена безъ разбора и резолюція Союза, касающаяся организаціоннаго вопроса. Она также нуждается въ измѣненіяхъ, но и ее удобнѣе разсмотрѣть въ связи съ разборомъ „организаціоннаго плана“ „Искры“.

Внимательный читатель замѣтитъ и другой пропускъ. Ни въ разборѣ старой программы, ни въ разборѣ новой я не упоминаю ни однимъ словомъ объ аграрной ея части. А между тѣмъ въ этой части программы особенно ярко высказалось желаніе замѣнить „узкую“ программу гр. „Освобожденія Труда“ болѣе „широкой“ и „всесторонней“. Не правы ли авторъ „Очереднаго вопроса револ. дѣла“ и Григоровичъ, утверждая, что программа „Рабочаго Дѣла“ составляетъ шагъ впередъ по отношенію къ программѣ гр. „Освобожденія Труда“? Вѣдь даже „мелочно-придирчивая“ критика не могла найти въ нихъ никакого изъяна?

---

*) См. „Два съѣзда“

Но такъ ли это? Ничуть. Въ статьѣ,***) посвященной разбору старой программы „Рабочаго Дѣла“ я подвергъ и эти резолюціи „мелочно-придирчивой“ критикѣ. Къ сожалѣнію и не „выборныя редакціи“ умѣютъ „поворачивать“ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Изъ статьи, противъ воли и безъ вѣдома автора была выпущена какъ разъ критика резолюціи объ аграрномъ вопросѣ. Перепечатывать здѣсь эти краткія замѣчанія, имѣвшія цѣлью напомнить „забытыя слова“ не стоитъ. Подробно говорить объ аграрномъ вопросѣ мнѣ придется въ слѣдующемъ выпускѣ, посвященномъ программѣ „Искры“. Тогда же я коснусь Мартыновской теоріи „мѣропріятій, сулящихъ осязательные результаты“, теоріи, нашедшей себѣ неожиданное воплощеніе въ проектѣ программы „Искры“.

***) Статья уже была готова къ печати (Іюль 1901.) и должна была выйти отдѣльной брошюрой, когда редакція „Искры“, имѣвшая возможность познакомиться съ ней, „распростерла свои объятія“ и высказала желаніе „непремѣнно ее помѣстить“, такъ какъ она очень важна по ея принципіально-правильной точкѣ зрѣнія и содержитъ много интересныхъ и мѣткихъ замѣчаній (напр., о массовомъ и с. д. рабочемъ движеніи, о пропог. и агитаціи, о необходимости не съуживать значенія 1 мая, о соотношеніи политическихъ правъ и политической свободы, о важности строго принципіальной тактики и мн. др.).

I.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ И СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ.

Если старая программа „Рабочаго Дѣла“ заключала въ себѣ много такого, что заставляло всякаго „ортодокса“ усомниться, стоитъ ли она на почвѣ международнаго *научнаго* соціализма и „придраться“ на этомъ основаніи къ тому, что многіе доброжелатели редакціи „Рабочаго Дѣла“ считали только стилистической оплошностью, то исправленныя общія положенія новой программы должны были бы уничтожить всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Но это только кажется. Заявивъ теперь вполнѣ опредѣленно, что „заграничный Союзъ Русскихъ Соціальдемократовъ“ дѣйствуетъ на почвѣ международнаго *научнаго* соціализма“, инструкціи сейчасъ же уничтожаютъ все значеніе этого заявленія.

„Дѣятельность соціалъ-демократіи можетъ быть цѣлесообразной лишь подъ тѣмъ условіемъ, если она руководствуется не только общими принципами научнаго соціализма, но и 1) общими политическими условіями и конкретными соотношеніями общественныхъ классовъ данной страны и 2) степенью развитія рабочаго движенія“. Когда мы въ критикѣ старой программы „Рабочаго Дѣла“ подвергали это „не только-но и“ подробному разбору, насъ обвиняли въ злостной придирчивости. Но эти обвиненія — плодъ недоразумѣнія. Наши добросердечные читатели не замѣчали, что въ этомъ абзацѣ редакціей „Рабочаго Дѣла“ былъ формулированъ тотъ punctum saliens, который отличаетъ программу „Рабочаго Дѣла“ отъ программы доктринеровъ, знать ничего не желающихъ, кромѣ „общихъ принциповъ научнаго соціализма“. Съ своей стороны, мы можемъ только принесть глубокую благодарность редакціи, которая теперь своимъ комментаріемъ къ этому абзацу показываетъ, какое громадное значеніе она ему придаетъ. Оказывается, что именно это „не только-но“ и является „основнымъ взглядомъ Союза на тактику“. Намъ нечего, поэтому, придираться къ отдѣльнымъ выраженіямъ въ статьяхъ редакціи „Рабочаго Дѣла“. Неудачныя мѣста, несогласныя съ программой заявленія, стилистическіе промахи возможны въ статьяхъ даже такихъ органовъ, которые держатся вполнѣ безупречной программы. Нелегальному писателю приходится работать при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, часто на спѣхъ, не имѣя возможности внимательно просмотрѣть статью, которую сейчасъ же надо сдать въ печать. Но программа — не статья. Она, вѣдь, пишется не „съ пылу, съ жа-

ру", она обдумывается и взвѣшивается самымъ тщательнымъ образомъ. Всякое предположеніе со стороны критика, что авторы программы дѣлали свое дѣло „спустя рукава", не имѣя ни малѣйшаго понятія о значеніи того дѣла, которое они взяли на себя, было бы только оскорбительнымъ для нихъ. Они должны быть готовы къ самой придирчивой критикѣ. Имъ не слѣдъ обижаться на придирчивость, она только приноситъ имъ честь, потому что показываетъ, что критикъ относится съ уваженіемъ къ ихъ работѣ, не считаетъ ее произведеніемъ, выскочившимъ изъ головы „непризнаннаго генія" или бездарныхъ кропателей. По справедливому выраженію Каутскаго, „программу надо разсматривать въ лупу". Авторы программы могутъ доказывать, что придирки критика *не основательны* — это ихъ право; но жаловаться на самый фактъ *придирчиваго* отношенія къ *программѣ* значило бы подписывать себѣ testimonium paupertatis.

Поэтому мы, какъ и въ разборѣ старой программы Раб. Дѣла *), объектомъ своихъ критическихъ замѣчаній выбираемъ исключительно новую программу и комментарій къ ней, статьями же „Рабочаго Дѣла" будемъ пользоваться только для иллюстраціи.

Но послушаемъ сначала, что говоритъ намъ комментарій.

„Критеріемъ при пересмотрѣ инструкцій служилъ основной взглядъ Союза на тактику. Мы имѣемъ въ виду формулировку условій цѣлесообразности соціалъ-демократической дѣятельности, стоящую во главѣ старыхъ и новыхъ инструкцій, — съ той только разницей, что въ послѣднихъ этотъ же основной взглядъ очищенъ отъ временныхъ примѣсей, въ прежней формулировкѣ затемнявшихъ его истинный, постоянный смыслъ соображеніями, примѣнимыми только къ тогдашнему состоянію русскаго соціалъ-демократическаго движенія, или же высказывавшимися въ виду своей новизны для того времени. **)". Каковы же эти временныя примѣси, въ чемъ состоятъ эти соображенія, какимъ образомъ редакція отдѣлила „примѣси" и получила чистый „истинный и постоянный" алмазъ своего основного взгляда на тактику?

„Въ новой формулировкѣ прибавлено ясное указаніе на „общія политическія условія"; далѣе, „насущныя потребности русскаго рабочаго движенія на данной ступени его развитія" замѣ-

*) См. „Замѣчанія на программу „Раб. Дѣла", „Заря" № 1.

**) Мы не хотимъ придираться къ отдѣльнымъ выраженіямъ. Но неужели авторы комментарія не понимаютъ, какъ странно звучитъ фраза о „примѣсяхъ", *затемнявшихъ* смыслъ извѣстнаго взгляда соображеніями „высказывавшимися въ виду своей новизны для того времени". Развѣ въ программѣ мѣсто для такихъ „затемняющихъ примѣсей" только потому, что онѣ „новы"? Не слѣдствіе ли это неумѣренной страсти открывать давно открытыя Америки?

нены общимъ, всегда(?) и всюду(?) примѣнимымъ выраженіемъ: „степень развитія рабочаго движенія“; наконецъ, выброшено указаніе на необходимость „считаться съ разнообразіемъ мѣстныхъ условій и уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса“. Это указаніе въ настоящее время было бы излишне и вредно. Излишне, поскольку рѣчь идетъ о техническихъ пріемахъ агитаціи, такъ какъ всѣ наши организаціи достаточно опытны въ этомъ отношеніи; вредно, поскольку подъ этимъ указаніемъ можно понимать преобладаніе мѣстнаго элемента надъ общепартійными задачами политической борьбы“.

Предъ нами теперь очищенный отъ всякихъ примѣсей „чистый“, какъ снѣгъ альпійскихъ вершинъ, „основной взглядъ Союза на тактику“. И именно въ этомъ взглядѣ мы и должны искать объясненіе съ такой помпой преподнесенной „тактики-процесса“. Все, отъ чего Союзъ якобы отказался — конечно, подъ давленіемъ „сильнаго роста соціалъ-демокоатическаго движенія“ — все это благополучно принято назадъ подъ прикрытіемъ всеспасающаго „не только — но и“, или, иначе говоря, „съ одной стороны — должно сознаться, съ другой — нельзя не признаться“.

Товарищъ Кричевскій, какъ видно изъ его сердитато замѣчанія въ статьѣ 10 № „Рабочаго Дѣла“, совершенно не согласенъ съ моимъ объясненіемъ генезиса этого тактическаго алмаза. Въ то время какъ я, показавъ логическую нелѣпость такого словосочетанія, старался дать ему „историко-психологическое“ объясненіе, товарищъ Кричевскій, наоборотъ, желаетъ превратить его въ формулировку „философскихъ основъ тактики“, формулировку, выбранную только „подъ давленіемъ“ требованій логики. Ниже мы, съ помощью товарищей В. И—на и Мартынова, докажемъ товарищу Кричевскому вѣрность нашего историко-психологичоскяго объясненія этой логической нелѣпости, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о соотношеніи между принципами и тактикой. Товарищъ Кричевскій не посѣтуетъ на насъ, если въ данномъ случаѣ мы нѣсколько подробно остановимся на его статьѣ въ 10 № „Рабочаго Дѣла“.

Его, какъ видно, уже давно занимаетъ вопросъ — „каково правильное и нормальное отношеніе между принципами и тактикой и что собственно нужно понимать подъ тактикой“. Товарищъ Кричевскій въ своей статьѣ старается рѣшить этотъ вопросъ. Къ сожалѣнію, намъ придется прибѣгнуть къ пріему, который можетъ не понравиться товарищу Кричевскому, но который безусловно необходимъ, чтобы очистить этотъ вопросъ отъ различныхъ затемняющихъ его „примѣсей“. Какъ говоритъ товарищъ Кричевскій, „этотъ вопросъ очень мало разработанъ и по-

ка находится въ той предварительной стадіи, черезъ которую проходятъ всякіе вопросы и взгляды вообще (особенно въ области общественной дѣятельности), для очень многихъ дѣятелей онъ все еще находится, такъ сказать, за предѣлами или на порогѣ сознанія, хотя и опредѣляетъ собой ихъ практическую дѣятельность". Какъ видно изъ этой статьи, за предѣлами сознанія товарища Кричевскаго боролось нѣсколько рѣшеній этого вопроса и перескочили они за порогъ сознанія, не покончивши всѣхъ счетовъ между собою. Этимъ и объясняется разнообразіе его опредѣленій тактики, послужившихъ предметомъ разсмотрѣнія остроумнаго фельетона въ 10 № Искры. Мы, поэтому, оставимъ въ покоѣ тактику, какъ „процессъ роста партійныхъ задачъ, растущихъ вмѣстѣ съ партіей", тактику, какъ философію дѣятельности, тактику, какъ общій характеръ практической дѣятельности, тактику, какъ технику и ихъ же имена ты, господи, вѣси ! Мы остановимся только на той формулировкѣ „философскихъ основъ тактики", которая легла въ основаніе очищеннаго отъ всякихъ примѣсей „основного взгляда Союза на тактику".

Вотъ эта формулировка: „Правильная тактика есть результатъ взаимодѣйствія между принципами, указывающими цѣль движенія („не только", „съ одной стороны должно сознаться"), и конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе („но и", „но съ другой стороны нельзя не признаться"). Другими словами, дѣятельность партіи должна опредѣляться *постояннымъ* и въ извѣстномъ смыслѣ *абстрактнымъ* элементомъ принциповъ — съ одной стороны, и измѣнчивымъ и конкретнымъ элементомъ окружающихъ условій — съ другой".

Надо отдать справедливость товарищу Кричевскому: трудно выразить болѣе ярко сущность оппортунизма въ соціалъ-демократіи.

Пусть товарищъ Кричевскій не обижается! Пусть не ссылается на статью въ 11-12 книжкѣ „Рабочаго Дѣла", въ которой онъ якобы сводитъ счеты съ оппортунизмомъ въ международной соціалъ-демократіи, на самомъ же дѣлѣ лишній разъ свидѣтельствуетъ, какое глубокое впечатлѣніе произвели на него статьи Жореса, въ которыхъ послѣдній предпринялъ „реформу" марксизма *).

*) „Читатель видитъ, что Адлеръ сильно подчеркиваетъ положительную или *творческую* сторону пролетарской борьбы, отмѣченную мною въ первой главѣ этого обозрѣнія. Но онъ ее видитъ исключительно въ *психологическомъ* свѣтѣ. Этого, по моему мнѣнію, недостаточно: творческая работа пролетаріата не менѣе важна и тѣмъ, что она готовитъ *организаціонныя формы* соціалистическаго „общества". См. статью: „Обзоръ партійной жизни на Западѣ". Рабочее Дѣло. 11-12, Второй отдѣлъ, стр. 56, прим. Чита-

По совершенно справедливому замѣчанію товарища Кричевскаго, „оппортунизмъ — явленіе международное: онъ имѣетъ большее или меньшее распространеніе почти во всѣхъ странахъ съ развитымъ соціалистическимъ движеніемъ. Разныя его формы въ отдѣльныхъ странахъ объясняются особыми условіями данной страны; но основной его характеръ одинъ и тотъ же въ различныхъ странахъ и корни его всюду одни и тѣ же". Это — осложненіе пролетарской идеологіи — мелкобуржуазной, демократической, отсутствіе рѣзкихъ границъ между классовой борьбой пролетаріата и классовой борьбой мелкой буржуазіи, смѣшеніе массового рабочаго движенія съ соціалъ-демократическимъ рабочимъ движеніемъ *), рабочаго движенія ставящаго себѣ цѣлью улучшеніе условій продажи рабочей силы съ рабочимъ движеніемъ, ставящимъ себѣ цѣлью — уничтоженіе условій, при которыхъ возможно существованіе рабочей силы — товара, это — совершенная растерянность якобы марксистовъ предъ критикой Брентано, Зомбартовъ, Шульце-Геверницевъ, Штаммлеровъ, Зиммелей и ихъ русскихъ компиляторовъ.

Что новаго внесъ научный соціализмъ, что отличаетъ его, съ одной стороны, — отъ утопическаго соціализма и отъ массового, стихійнаго рабочаго движенія — съ другой?

„Пока пролетаріатъ не настолько еще развитъ, чтобы

тель видитъ также, что товарищъ Кричевскій до сихъ поръ не выяснилъ себѣ точку зрѣнія научнаго соціализма на профессіональные и кооперативные союзы. Видѣть въ нихъ „организаціонныя формы соціалистическаго общества" можетъ лишь тотъ, кто, какъ Жоресъ, не хочетъ понять, что эти союзы стоятъ на почвѣ „принциповъ" товарнаго производства.

*) Въ только что вышедшей книгѣ „Что дѣлать" товарищъ Ленинъ, развивая подробно сдѣланное мною въ первой статьѣ противопоставленіе массового рабочаго движенія и соціалъ-демократическаго рабочаго движенія, предпочитаетъ употреблять, вмѣсто „массового рабочаго движенія", слово трэдъ-юніонизма. Мнѣ кажется, что лучше было бы сохранить ту терминологію, которую употребляютъ наши приверженцы „массового рабочаго движенія". Трэдъ-юніонизмъ — все таки явленіе, принявшее рѣзкія и опредѣленныя формы, тогда какъ наше „массовое рабочее движеніе" такъ же неопредѣленно и расплывчато, какъ неопредѣленны и расплывчаты теоріи его защитниковъ. Наши „массовики" до сихъ поръ еще, несмотря на свои „профессіональныя" симпатіи, не понимаютъ, что „трэдъ-юніонизмъ", какъ онъ сложился на англійской почвѣ, является осадкомъ рѣзко политическаго движенія рабочаго класса, что онъ предполагаетъ наличность такихъ политическихъ „конкретныхъ соотношеній общественныхъ классовъ данной страны", осуществленіе которыхъ для Россіи отодвигается тѣмъ дальше, чѣмъ больше будетъ преобладать массовое рабочее движеніе надъ соціалъ-демократическимъ рабочимъ движеніемъ.

сложиться въ особый классъ, пока самая борьба пролетаріата съ буржуазіей не имѣетъ еще, слѣдовательно, политическаго характера, и пока производительныя силы еще не до такой степени развились въ нѣдрахъ буржуазіи, чтобы дать возможность найти матеріальныя условія, необходимыя для освобожденія пролетаріата и для образованія новаго общества, — до тѣхъ поръ теоретики пролетаріата оказываются утопистами, которые — чтобы помочь нуждамъ угнетеннаго класса — придумываютъ системы и стремятся найти обновляющую науку". „Открывъ" нѣсколько „принциповъ" и создавъ съ ихъ помощью „плановъ" новаго общества, они старались привлечь на свою сторону сильныхъ міра сего, чтобы скорѣе осуществить его. Рецептъ былъ готовъ, рецептъ настолько дѣйствительный, что достаточно было, по мнѣнію утопистовъ, одного удачнаго эксперимента, чтобы убѣдить всѣхъ въ его спасающей силѣ. Утописты, поэтому, обращались всегда безразлично ко всему обществу, и даже преимущественно къ господствующему классу". Политику они отрицали, какъ совершенно ненужный элементъ. Вся „тактика" ихъ состояла въ возможно болѣе яркомъ и привлекательномъ изображеніи „принциповъ", или, какъ выражается товарищъ Кричевскій, у нихъ „принципы поглощали тактику". Говоря точнѣе, отрицая политическую дѣятельность вообще, они не нуждались въ руководствѣ для нея. „Они понимали, правда, что съ своими планами они являются выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса, какъ болѣе страдающаго. Но только въ этомъ качествѣ болѣе другихъ страдающаго класса и существовалъ для нихъ пролетарій". Во всѣхъ ихъ разсчетахъ онъ игралъ пассивную роль. Предполагалось, что онъ, какъ утопающій за соломинку, сейчасъ же схватился за новый „планъ", обѣщающій ему выходъ изъ этой „юдоли плача". Несравненно важнѣе было обезпечить себѣ сочувствіе господствующаго класса. Всякая попытка самодѣятельности со стороны рабочаго класса только мѣшала осуществленію ихъ плана. Вотъ почему утописты не менѣе усердно, чѣмъ и буржуазные экономисты, возставали противъ „экономической борьбы" рабочаго класса. „Экономисты хотятъ, чтобы рабочіе оставались въ обществѣ, какимъ оно сложилось въ настоящее время и было записано и пропечатано экономистами въ ихъ учебникахъ. Соціалисты совѣтуютъ оставить въ покоѣ старое общество, чтобы съ тѣмъ большею легкостью войти въ новое, предуготовленное ими, соціалистами, съ такой предусмотрительностью".

Но „несмотря ни на тѣхъ, ни на другихъ, вопреки учебникамъ и утопіямъ" вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства росло и развивалось рабочее движеніе.

Изолированная борьба отдѣльнаго рабочаго противъ капиталиста уступаетъ мѣсто коллективной, борьба рабочихъ одной фабрики замѣняется борьбой всѣхъ рабочихъ данной отрасли промышленности въ извѣстной мѣстности противъ группы капиталистовъ. Съ количественнымъ распространеніемъ крупной промышленности растетъ и число мѣстностей, охватываемыхъ этой борьбой. Чисто стихійное „массовое“ движеніе рабочихъ все больше уступаетъ мѣсто сознательному „массовому“ движенію. Рабочіе все больше и больше наталкиваются на необходимость организоваться въ своей борьбѣ противъ капиталистовъ. Съ ростомъ стачечнаго движенія развивается и стремленіе оформить его, дать ему прочную основу въ видѣ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Въ этой борьбѣ рабочіе наталкиваются съ первыхъ же шаговъ на сопротивленіе государства. Они скоро убѣждаются, что „политическая власть, въ собственномъ смыслѣ этого слова, есть организованная сила извѣстнаго класса, имѣющая цѣлью подчиненіе другого класса“. Начинается борьба за „политическія права“, безъ которыхъ немыслимо развитіе профессіональнаго движенія. Прежде, чѣмъ рабочій классъ начинаетъ борьбу за достиженіе политической власти, онъ долженъ добиться сначала права вести свою классовую борьбу. А это въ высшей степени трудная задача. Ни въ чемъ не выражается такъ ярко классовой характеръ современнаго государства, исторически развивающагося на почвѣ капитализма, какъ именно въ томъ упорномъ противодѣйствіи, которое оно оказываетъ стремленіямъ рабочихъ къ улучшенію условій продажи своей рабочей силы. Считая своей миссіей охранять каждаго продавца товаровъ, давая ему возможность продавать свой товаръ на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, оно дѣлаетъ исключеніе только для продавцевъ рабочей силы. Уже долго спустя послѣ того, какъ рабочій добился всѣческихъ свободъ, онъ все еще не можетъ добиться свободы ставить свой товаръ въ наиболѣе выгодныя условія для продажи. Свидѣтель — Англія, гдѣ рабочіе до сихъ поръ еще не обезпечили себѣ свободное пользованіе всѣми средствами для повышенія цѣны своего товара, которыми свободно пользуются капиталисты. Но разъ добившись права вести классовую борьбу, права организоваться въ профессіональные союзы, рабочіе могутъ долго оставаться на этой ступени, не помышляя даже о необходимости борьбы противъ самыхъ „основъ“ общества. Чѣмъ больше процессъ развитія рабочаго класса носилъ „стихійный“ характеръ, чѣмъ меньше онъ являлся уже предвидѣннымъ результатомъ дѣйствія силъ, наблюдавшихся въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ дольше онъ застаивался на различныхъ своихъ фазахъ, тѣмъ больше рабочіе проникались сознаніемъ, что капиталистическій строй единственно существовавшій и возможный строй. Борьба рабочихъ можетъ

носить рѣзко выраженный политическій характеръ, они могутъ добиться значительной доли политической власти (Австралія и Новая Зеландія), но борьба рабочихъ съ капиталистами все еще является только борьбой различныхъ группъ продавцевъ товаровъ какъ, напр., борьба между производителями хлѣба и фабрикантами. Въ разныхъ странахъ борьба эта въ зависимости отъ историческихъ и мѣстныхъ условій можетъ принимать различныя формы, но долго и очень долго можетъ носить глубоко *буржуазный* характеръ. Понятно, что и идеологія этого движенія будетъ чисто буржуазной по той простой причинѣ, что цѣли движенія, если и идутъ въ разрѣзъ съ интересами нѣкоторыхъ классовъ буржуазнаго общества, нисколько не идутъ въ разрѣзъ съ интересами буржуазнаго общества въ его цѣломъ. Такъ, профессіональные союзы даже въ самой развитой ихъ формѣ не только не служатъ „организаціонными формами соціалистическаго общества“; но, наоборотъ, являются необходимымъ составнымъ элементомъ *буржуазнаго капиталистическаго* строя. Создается типъ рабочихъ, не менѣе, чѣмъ капиталистъ, убѣжденныхъ въ святости и неприкосновенности, „основъ“. Поверхностному наблюдателю, убѣжденному, что рабочее движеніе приводитъ „всюду и всегда“, „само собою“ къ соціализму, можетъ даже показаться, что это движеніе не имѣетъ „программы въ собственномъ смыслѣ слова.“ Онъ, какъ товарищъ Кричевскій, скажетъ: у этихъ рабочихъ „тактика поглощаетъ принципы“. И онъ ошибется: *ихъ тактика* совершенно соотвѣтствуетъ *ихъ принципамъ*.

Такимъ образомъ, мы, съ одной стороны, имѣемъ „общія положенія соціализма“, „конечную цѣль“, „принципы, указывающіе цѣль движенія“, съ другой — „конкретныя условія, въ которыхъ происходитъ движеніе“. Соціализмъ жилъ и развивался самъ по себѣ, знать ничего не желая о „конкретныхъ условіяхъ“, и относился крайне отрицательно къ „постепенно подвигающейся впередъ классовой организаціи пролетаріата“. Болѣе того: многіе утописты съ ожесточеніемъ выступали противъ всякаго политическаго движенія рабочихъ, вызываемаго, по ихъ мнѣнію, лишь слѣпымъ невѣріемъ въ новое евангеліе. А съ другой стороны „само по себѣ“ развивалось и крѣпло рабочее движеніе. И понятно, что „когда поднимавшая свою голову часть пролетаріата въ своей борьбѣ не только не находила поддержки у этихъ соціалистовъ, но скорѣе встрѣчала сопротивленіе, когда ученія соціализма („общія положенія соціализма“, „принципы“) скорѣе грозили внести малодушіе, чѣмъ усилить энергію этой борьбы, тогда въ пролетаріатѣ легко развивались недовѣріе и антипатія не только противъ *даннаго* отношенія соціализма къ его борьбѣ, но и вообще противъ соціализма“. Это — крайне опасное явленіе, такъ какъ указываетъ на то,

что крѣпнетъ и развивается „чисто рабочее движеніе“. И именно тогда, когда соціализму и рабочему движенію грозила опасность разойтись въ разныя стороны, когда „общія положенія соціализма“ и „конкретное соотношеніе общественныхъ классовъ данной страны и рабочее движеніе“ не имѣли, казалось, ничего общаго между собою, явились Марксъ и Энгельсъ съ своей теоріей соціализма. Нужно ли еще излагать, что собственно новаго они внесли? Сдѣлаю это въ нѣсколькихъ словахъ для редакціи „Рабочаго Дѣла“ въ надеждѣ, что и на этотъ разъ мои замѣчанія „упредятъ ростъ соціалъ-демократическаго рабочаго движенія“ и, такимъ образомъ, лишній разъ докажутъ редакціи, какъ опасно заниматься открытіемъ давно открытыхъ Америкъ.

Если бы Марксъ и Энгельсъ обладали философской подготовкой товарища Кричевскаго, они рѣшили бы вопросъ такъ же просто, какъ сдѣлалъ это онъ. Усвоивъ себѣ готовую схему „общихъ положеній соціализма“ „принципы, указывающіе цѣль движенія,“ они бы поставили ихъ въ „взаимодѣйствіе“ съ „конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе.“ Проклятый вопросъ былъ бы рѣшенъ. По Марксъ и Энгельсъ прошли чрезъ школу Гегеля и знали очень хорошо, что всякая попытка привести въ взаимодѣйствіе два фактора, не имѣющихъ общаго генезиса, привела бы только къ механическому соединенію несоединимыхъ элементовъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ опять разошлись бы въ различныя стороны. Причина (въ данномъ случаѣ, говоря словами товарища Кричевскаго, „*постоянный* и въ извѣстномъ смыслѣ *абстрактный* элементъ принциповъ“)только тогда могла бы породить желательное слѣдствіе, т. е. сліяніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ, если бы она уже заранѣе заключалась въ „измѣнчивомъ и конкретномъ элементѣ окружающихъ условій.“ Предъ Марксомъ и Энгельсомъ встала задача: изслѣдовать дѣйствительность, оставивъ въ сторонѣ всякіе „принципы,“ какъ бы дороги они ни были. Взяться за рѣшеніе такой задачи могли только геніальные мыслители и мужественные борцы, не убаюкивающіе себя никакими иллюзіями. И задача была блестяще рѣшена. Оказалось, что „человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно въ состояніи рѣшить, такъ какъ при болѣе внимательномъ наблюденіи всегда оказывается, что задача только потому и возникаетъ, что матеріальныя условія ея рѣшенія уже имѣются на лицо, либо находятся въ процессѣ своего образованія.“ Соціализмъ такимъ образомъ оказывался не измышленіемъ нѣсколькихъ чудаковъ, осужденнымъ на безслѣдное исчезновеніе. Капиталистическій процессъ производства (буржуазныя условія производства) самъ подготовляетъ усовія своего собственнаго уничтоженія, производя матеріальные и интеллектуальные элементы соціалистическаго

строя. Онъ самъ подготовляетъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, производя все большія массы пролетаріата и обостряя противоположность интересовъ между ними и капиталистами. „Капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условія, независимыя ни отъ доброй воли, ни отъ благого умысла, допускающія сравнительное благосостояніе рабочаго класса только на короткое время и которыя бываютъ всегда только буревѣстниками кризиса.“ Рано или поздно, рабочее движеніе, такой же „необходимый продуктъ капиталистическаго производства, какъ хлопчато-бумажная пряжа, self-factor'ы и электричество“ достигнетъ такого положенія, когда возвратъ уже невозможенъ и сами условія будутъ взывать: Hic Rhodus, hic Salta,“ или „Война или смерть; кровавая борьба или уничтоженіе. Такова неотразимая постановка вопроса.“ „Стачки, коалиціи и другія формы, подъ которыми пролетаріатъ совершаетъ на нашихъ глазахъ свою классовую организацію,“ представляютъ необходимыя звенья „постепенно подвигающейся впередъ классовой организаціи пролетаріата.“ Поэтому, нѣтъ ничего неосновательнѣе того „трансцендентальнаго презрѣнія,“ съ которымъ относились къ нимъ какъ утописты, такъ и революціонеры, первые — считая ихъ совершенно безпозезными, вторые — безусловно вредными, такъ какъ они отвлекаютъ рабочихъ отъ единственно-важнаго дѣла — революціи, давая имъ возможность улучшать свое положеніе уже при существующихъ условіяхъ. Только получивъ возможность использовать всѣ средства, предоставляемыя въ его распоряженіе развитымъ капиталистическимъ обществомъ, рабочій классъ осязательно пойметъ, что „условіе освобожденія трудящагося класса есть уничтоженіе всякихъ классовъ.“ Такъ называемыя „реформы“ только ускоряютъ развитіе капиталистическаго процесса производства, приближая тотъ моментъ, когда данная общественная формація разовьетъ всѣ производительныя силы, на которыя она способна, и въ нѣдрахъ ея окончательно созрѣютъ всѣ матеріальныя предпосылки будущаго строя. Но эти реформы убаюкиваютъ пролетаріатъ? Ничуть. Онѣ только устраняютъ всѣ побочныя обстоятельства, въ которыхъ рабочій классъ видитъ еще причины своего жалкаго положенія, онѣ срываютъ многочисленные покровы, подъ которыми скрывается его настоящій врагъ*).

Теперь, можетъ быть, тов. Кричевскому ясенъ будетъ смыслъ слѣдующихъ словъ „Манифеста Коммунистической партіи“: „Коммунисты не составляютъ какой либо особой партіи, противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ.

---

*) Подробно мы коснемся вопроса о соотношеніи между реформами и революціей въ подготовляемой нами къ печати брошюрѣ: „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше — или чѣмъ лучше, тѣмъ лучше.“

У нихъ нѣтъ интересовъ, не совпадающихъ съ интересами всего пролетаріата.

Они не выставляютъ никакихъ особыхъ принциповъ, подъ которые они хотѣли бы подвести движеніе пролетаріевъ.

Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что, съ одной стороны, въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности, интересы всего пролетаріата; съ другой стороны — тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ.

Такимъ образомъ, коммунисты на практикѣ представляютъ самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, въ теоретическомъ отношеніи, они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то *преимущество, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія.* Ближайшая цѣль коммунистовъ та же, что и другихъ рабочихъ партій: организація рабочаго класса, сверженіе господства буржуазіи, завоеваніе пролетаріатомъ политической власти.

Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ и принципахъ, открытыхъ и установленныхъ тѣмъ или другимъ всемірнымъ реформаторомъ. *Они представляютъ собою лишь общее выраженіе современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія.*“

Пусть читатель не сѣтуетъ на меня за эту длинную выписку, пусть не говоритъ, что все это извѣстно. Въ послѣдніе годы Россійская земля рождаетъ на свѣтъ такое огромное количество „быстрыхъ разумомъ Невтоновъ,“ выдающихъ свое недопониманіе „общихъ принциповъ научнаго соціализма“ за его развитіе и дополненіе, что, право, не грѣхъ лишній разъ напомнить „забытыя слова.“ И съ рискомъ опять разсердить кого-нибудь своей мелочно-придирчивой критикой, мы возьмемъ на себя неблагодарный трудъ еще болѣе „пояснить“ смыслъ этихъ „забытыхъ словъ.“ Предоставимъ слово Каутскому:

„Конечно, при изслѣдованіи цѣли, вытекающей изъ жизненнаго положенія пролетаріата и организаціи буржуазнаго общества, они (Марксъ и Энгельсъ) часто приходили къ результатамъ, которые совпадали съ идеалами утопистовъ, конечно, они многому научились у своихъ предшественниковъ и именно потому научились, что они свои положенія не конструировали діалектически изъ понятій, а получали путемъ изученія дѣйствительности и тѣхъ возврѣній, которыя величайшіе умы ихъ времени имѣли на дѣйствительность.“ „Съ точки зрѣнія научнаго соціализма, нѣтъ ничего

глупѣе, чѣмъ желаніе конструировать изъ понятій задачи соціалистическаго движенія каждаго даннаго момента. Ни одно ученіе не требуетъ такого „углубленія въ конкретныя детали эмпиріи, какъ именно марксовское.“

Короче говоря, общіе принципы научнаго соціализма: соціализмъ есть высшая форма рабочаго движенія, соціализмъ можетъ быть осуществленъ только рабочимъ движеніемъ, единственный классъ, который можетъ и долженъ, по своему положенію, взять на себя осуществленіе соціализма — это пролетаріатъ. Нужно ли еще послѣ этого говорить о его „практическихъ“ требованіяхъ? Внести въ классовую борьбу пролетаріата возможно болѣе сознанія его цѣлей и сдѣлать ее наиболѣе цѣлесообразной или, другими словами, воспитаніе и организація пролетаріата въ особую партію — вотъ главная задача соціалъ-демократіи. А эта задача можетъ быть осуществлена лишь въ томъ случаѣ, если соціалъ-демократія, стоя въ самомъ пылу классовой борьбы пролетаріата, находясь во главѣ *рабочаго движенія*, смѣло вмѣшается во всѣ явленія общественной жизни, въ основѣ которой лежитъ то или иное „конкретное соотношеніе классовъ,“ и приметъ самое энергичное участіе въ переработкѣ „общихъ политическихъ условій.“ Какое громадное значеніе придавали Марксъ и Энгельсъ непрестанному изученію дѣйствительности и активному участію во всѣхъ сферахъ современной жизни, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Энгельса: „Коммунизмъ это — пониманіе природы и условій борьбы пролетаріата и вытекающихъ изъ нея общихъ ея цѣлей.“

И не смотря на все это, каждый разъ является новый „быстрый разумомъ Невтонъ,“ который авторитетно поучаетъ насъ, что научный соціализмъ, вся сущность котораго состоитъ въ пониманіи „конкретной“, „практической“ дѣйствительности и въ революціонномъ воздѣйствіи на эту дѣйствительность съ помощью элементовъ, создаваемыхъ этой же дѣйствительностью, или говоря словами Маркса: что теорія которая ставитъ себѣ цѣлью показать, что наша дѣятельность сводится не къ проведенію какой нибудь утопіи, а къ сознательному участію въ совершающемся на нашихъ глазахъ процессѣ преобразованія общества, — что *эта* теорія сковываетъ намъ руки и ноги! И намъ совѣтуютъ считаться съ „дѣйствительными условіями“, съ „общими политическими условіями“, „съ конкретными соотношеніями общественныхъ классовъ“, съ „степенью развитія рабочаго движенія“, насъ просятъ спуститься съ высоты абстрактныхъ принциповъ, оставить теоретическія мудрствованія, намъ предлагаютъ вспомнить, что есть жизнь и т. д. и т. д!

„Мюльбергеръ требуетъ, чтобы мы стали *практичными*, чтобы

„дѣйствительнымъ практическимъ отношеніямъ мы противопоставляли не мертвыя абстрактныя формулы", чтобы „мы спустились съ высей абстрактнаго соціализма и приблизились къ опредѣленнымъ общественнымъ отношеніямъ" *). Такъ во время оно поучалъ Мюльбергеръ Энгельса. „Мы должны выставить опредѣленныя конкретныя требованія". И нашъ „практикъ" предлагаетъ цѣлый рядъ практическихъ, истинно практическихъ предложеній, которыя, конечно, сразу „вовлекли бы массу" въ суть соціализма. Что же ему отвѣтилъ Энгельсъ? „Никто еще не приближался въ такой степени къ опредѣленнымъ конкретнымъ общественнымъ отношеніямъ, какъ именно Марксъ въ „Капиталѣ".... Практическій соціализмъ состоитъ въ правильномъ пониманіи капиталистическаго способа производства со всѣхъ его сторонъ. Рабочій классъ, который понимаетъ толкъ въ этомъ дѣлѣ, никогда не попадетъ въ затрудненіе и всегда будетъ знать, съ какими именно соціальными учрежденіями ему слѣдуетъ бороться и какимъ именно образомъ онъ долженъ направлять свои удары".

Къ чему сводится сущность Бернштейніанства и вообще оппортунизма, „основной характеръ котораго одинъ и тотъ же въ различныхъ странахъ"? „Общіе принципы научнаго соціализма" слишкомъ абстрактны, догматичны, мертвы, чтобы служить руководящей нитью въ области живой практической дѣятельности. Они должны быть сдобрены изученіемъ „конкретныхъ соотношеній общественныхъ классовъ. Нужно считаться съ степенью развитія рабочаго движенія". Въ этомъ именно состоитъ основной характеръ оппортунизма. Конечно, онъ имѣетъ „разныя формы", которыя „объясняются особыми условіями данной страны". Въ Германіи онъ выражается въ стремленіи ослабить классовой характеръ соціалъ-демократіи, въ желаніи отказаться отъ самостоятельной политики рабочаго класса и т. д. Во Франціи онъ получилъ практическое примѣненіе въ мильеранизмѣ. Въ Россіи онъ намъ подарилъ теорію стадій и замѣну борьбы за низверженіе самодержавія болѣе практичной борьбой за ближайшія политическія требованія.

Злостная придирка! Развѣ теперь въ „общихъ положеніяхъ" нашей новой программы не сказано было ясно и опредѣленно, что „Заграничный Союзъ Русскихъ Соціальдемократовъ дѣйствуетъ на почвѣ международнаго *научнаго* соціализма"? Чего же вы опять придираетесь?

Когда въ своей первой статьѣ, имѣя предъ собой слова первой программы — „дѣйствуетъ на почвѣ международнаго соціализма" — я, по выраженію тов. Кричевскаго, „жаловался", что это — не-

*) Fr. Engels. Zur Wohnungsfrage, s. 71.

ясно, то я имѣлъ вполнѣ достаточное основаніе для этого въ словахъ самой программы. Признала же теперь почтенная редакція, что „основной взглядъ Союза на тактику“ былъ затемненъ „временными примѣсями“, понадобилось же ей прибавить „ясное указаніе“, замѣнить одно выраженіе другимъ и просто выбросить другое указаніе. Но и въ своей „очищенной“ редакціи „основной взглядъ Союза на тактику“ либо выраженъ въ логически нелѣпой формѣ, либо является русской формой того оппортунизма, который принимаетъ различныя формы въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Встрѣтившись съ этой логической нелѣпостью въ первой программѣ, я пришелъ къ заключенію, что это не „бѣда“ редакціи Союза, а „вина“ ея и объяснилъ это желаніемъ „противопоставить программѣ доктринеровъ, „омертвѣвшихъ теоретиковъ“, знать ничего не желающихъ, кромѣ принциповъ научнаго соціализма, программу „живую“, отвѣчающую на запросы „конкретной“, „насущной дѣйствительности“. По моему мнѣнію, „желаніе очень похвальное, но одно уже противопоставленіе научаго соціализма и „конкретнаго соотношенія общественныхъ классовъ“ показываетъ, что редакція не совсѣмъ еще разобралась въ „принципахъ научнаго соціализма“.

Что я былъ правъ, предполагая такое желаніе, показываетъ слѣдующее мѣсто, которое на всегда останется классическимъ образцомъ „критическихъ“ потугъ привить къ „общимъ принципамъ научнаго соціализма“ пониманіе „конкретной дѣйствительности“: „Это движеніе послѣднихъ годовъ, захвативъ массы рабочихъ и вырабатывая въ самомъ процессѣ борьбы значительное количество вполнѣ сознательныхъ элементовъ изъ рабочей среды, *въ то же время отодвинуло пропаганду сравнительно на второй планъ. Теперь пропагандистъ превратился въ агитатора: однихъ „общихъ принциповъ научнаго соціализма“ ему стало далеко недостаточно, и онъ принужденъ теперь довольно часто вдаваться въ разборъ мельчайшихъ деталей фабричной жизни, слѣдить за копѣйками заработной платы, за минутами рабочаго времени и т. д.“.* *)

Не этимъ ли дикимъ взглядамъ сдѣлана была уступка, когда составлялась первая программа „Рабочаго Дѣла“? Не должна ли была, наоборотъ, редакція „Рабочаго Дѣла“, если она дѣйствительно стояла на почвѣ научнаго соціализма, сказать представителямъ этихъ взглядовъ: если ваша критика имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ по отношенію къ утопическому соціализму, то она не имѣетъ никакого смысла по отношнію къ „общимъ принципамъ научнаго соціализма“. Если же, дѣйствительно, существовали люди,

*) В. И — нъ. Майскій праздникъ въ Россіи въ 1899 г.

думавшіе, что они руководятся „общими принципами научнаго соціализма“ и въ то же время, не имѣвшіе никакого понятія о „конкретной дѣйствительности“, то вамъ оставалось бы только напомнить имъ, что „общіе принципы *научнаго* соціализма“, въ противоположность общимъ принципамъ другого соціализма, суть только принципы изслѣдованія, пониманія и видоизмѣненія настоящей „конкретной дѣйствительности“.

„Но группа „Освобожденія Труда“, твердя неизмѣнно безспорную истину, что нужно соблюдать въ чистотѣ соціалъ-демократическіе принципы, этимъ вовсе еще не отвѣчала на вопросы, выдвигаемые практической революціонной работой въ Россіи“. Такъ говоритъ товарищъ Мартыновъ. Почему? Она недостаточно считалась съ „конкретными условіями“. Даже признавая этотъ упрекъ, совершенно невѣрный, я могу только повторить свои слова: „Если предположить, что существовала такая группа, которая не хотѣла обращать никакого вниманія на конкретное соотношеніе общественныхъ классовъ и т. д. и т. д., то редакціи и Союзу оставалось бы только показать этой группѣ, что она является живымъ contradictio in adjecto. Такое же „не только-но и“ даетъ непосвященнымъ совершенно извращенное представленіе о научномъ соціализмѣ“.

Въ своей же очищенной формѣ оно заранѣе освящаетъ всѣ возможныя отступленія отъ „общихъ принциповъ научнаго соціализма“.

Если „наши россійскіе товарищи опять выставятъ въ своихъ майскихъ прокламаціяхъ вмѣсто 8-ми часового рабочаго дня и политической свободы, 10-ти часовый и цѣлый рядъ другихъ, сравнительно мелкихъ требованіи“, то мы, конечно, „не пониженіемъ классоваго самосознанія объяснимъ эту перемѣну въ тактикѣ русской соціалъ-демократіи, а лишь положеніемъ рабочаго движенія въ данный моментъ“, какъ это дѣлалъ тов. В. И — нъ. *) Вѣдь дѣятельность соціалъ- демократіи можетъ быть цѣлесообразна лишь подъ тѣмъ условіемъ, если она руководствуется не только общими принципами научнаго соціализма, но и степенью развитія рабочаго движенія!

Нужно ли увеличивать число такихъ примѣровъ? Не всѣ же обладаютъ несокрушимымъ оптимизмомъ тов. Мартынова, который въ приложеніи къ № 11-12 „Рабочаго Дѣла“ увѣряетъ насъ, что „теперь нигдѣ слѣда не осталось“ отъ экономизма, а въ статьѣ „Вопросы и факты текущей жизни“ самъ указываетъ на примѣръ Кременчугскаго комитета и Кишиневской группы, издавшихъ про-

*) ibid., стр. 18.

кламаціи, „въ которыхъ совершенно отсутствуетъ политическій элементъ“. И Кремепчугскіе и Кишиневскіе товарищи отвѣтятъ: „Дѣятельность соціалъ-демократіи можетъ быть цѣлесообразной и т. д. и т. д.“. Нѣтъ ни одного отступленія отъ „общихъ принциповъ научнаго соціализма“, которое заранѣе не оправдывалось бы этой всеспасающей формулой. Въ „догматизмѣ“ ее не упрекнетъ ни одинъ „критикъ“ и никто не откажетъ ей въ „гибкости“.

II

ПРИНЦИПЫ И ТАКТИКА.

„Цѣль и движеніе въ соціалъ-демократіи тѣсно связаны, одну нельзя отдѣлить отъ другого“, говоритъ Каутскій. Иначе и быть не можетъ, потому что соціалъ-демократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ. Съ этой точки зрѣнія, не можетъ быть ничего опаснѣе раздѣленія „программныхъ“ и „тактическихъ“ вопросовъ на различныя категоріи. Практика оппортунистовъ достаточно показала, какъ легко превратить любой принципіальный вопросъ въ тактическій, руководствуясь, конечно, „общими политическими условіями“, „конкретнымъ соотношеніемъ общественныхъ классовъ“ и степенью развитія рабочаго движенія.

Руководясь своимъ критеріемъ правильности тактики, товар. Кричевскій отвергаетъ тактику-планъ и рекомендуетъ тактику-процессъ. Если только слово *тактика* имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то этотъ смыслъ состоитъ въ *планомѣрномъ* дѣйствіи для достиженія какой-нибудь цѣли. Тактика предполагаетъ *планъ*. Тактика-процессъ-просто логическая нелѣпость. Можно спорить противъ *даннаго* плана, лежащаго въ основѣ *данной* тактики, но спорить противъ плана вообще — значитъ лишній разъ обнаруживать свое непониманіе „общихъ принциповъ научнаго соціализма“, или ... свое несогласіе съ ними.

Въ чемъ видятъ главный недостатокъ марксизма господа бернштейніанцы, жоресисты, автономисты и т. д. и т. д.? Въ „догмѣ“, иными словами — въ „планѣ“. Марксисткій „планъ“ стѣсняетъ ихъ, онъ, по ихъ мнѣнію, „на дѣлѣ притупляетъ всякое чутье къ дѣйствительности“. Теорія, которая говоритъ своимъ послѣдователямъ:

оставьте въ покоѣ всякіе „абстрактные принципы“, изслѣдуйте непрестанно дѣйствительность, принимайте самое близкое участіе въ современной вамъ политической жизни, — она, видите ли, убиваетъ чутье къ дѣйствительности, она связываетъ руки! Такое обвиненіе и по такому адресу оправдываетъ подозрѣніе, что тутъ что-то неладно. Какъ можетъ „планъ“, налагающій на людей обязанность дѣйствовать, осуждать ихъ на бездѣйствіе? Не осуждаетъ ли этотъ „планъ“ только *извѣстныя* дѣйствія? Не допускаетъ ли нашъ „планъ„ („принципы“) только опредѣленную тактику? И не принуждены ли люди, несогласные съ этой тактикой, строго связанной съ „планомъ“, просто отрицать самый „планъ“, „принципы“, или, если у нихъ не хватаетъ смѣлости порвать съ „догмой“, „дополнить“, „исправить“ ее?

Особенно потѣшны робкіе люди. Привыкши смотрѣть на „принципы“, какъ смотритъ православный на „икону“, готовые при всякомъ случаѣ сдѣлать предъ ними крестный поклонъ, чтобы сейчасъ же совершить отступленіе отъ нихъ, они органически не могутъ понять людей, которые не отдѣляютъ „принциповъ“ отъ „тактики“. Чувствуя по себѣ, какъ силенъ грѣхъ, эти добрые люди хотятъ избавить „фанатиковъ“ отъ мукъ, которыми тѣ напрасно терзаютъ свою жизнь. „Шатанія“ въ жизни неизбѣжны, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Но они „опасны“ только въ томъ случаѣ, если они являются нарушеніемъ „принциповъ“, если они являются сдѣлками съ „принципіальной совѣстью“. Возведите эти „шатанія“ въ „принципъ“ — и дѣло въ шляпѣ. Откажитесь отъ „принципіальной совѣсти“ — и вамъ неизвѣстны будутъ муки людей, которымъ приходилось вступать въ „сдѣлки“ съ своей „принципіальной совѣстью“.

Читатель уже, вѣроятно, удивленъ. „О комъ говорите вы?“

Послушайте. „Такъ какъ конкретныя условія, земная дорога, по которой приходится идти къ цѣли, не приспособляется къ нашимъ заранѣе установленнымъ планамъ, то остается одно изъ двухъ: либо жертвовать живымъ дѣломъ „систематическому“ плану, либо вѣчно колебаться между обязанностями, налагаемыми планомъ, и дѣйствіями, которыхъ повелительно требуютъ условія и интересы борьбы. Само собою разумѣется, что на практикѣ люди съ планомъ выбираютъ послѣдній исходъ: Симеоновъ столпниковъ, дающихъ обѣтъ неподвижности, нынѣ нѣтъ. Но ихъ *вынужденныя*, дѣлаемыя вопреки „систематическому“ плану, уступки требованіямъ борьбы грѣшатъ половинчатостью и обыкновенно запаздываютъ. Такимъ образомъ, *тактика-планъ не только не охраняетъ отъ „шатаній“, а, наоборотъ, дѣлаетъ эти шатанія дѣйствительно опасными, потому что они безпринципны, являясь каждый разъ результатомъ сдѣлки съ принципіальной совѣстью,*

сдѣлки, расшатывающей вѣру въ принципы и порождающей лицемѣріе". *)

И „тактика-планъ" замѣняется „тактикой-процессомъ"! При послѣднемъ „шатанія", конечно, не опасны, ибо вся тактика есть непрерывный рядъ „шатаній", или какъ выражается тов. Кричевскій, „вѣчное исканіе новыхъ путей въ свѣтѣ принциповъ"! Такъ какъ „шатанія" возведены въ „принципъ", то они, конечно, не опасны: они не *„безпринципны"*, а „принципіальны". Сдѣлокъ съ „принципіальной совѣстью", отъ которыхъ, какъ извѣстно, свободны лишь Симеоны-столпники, намъ нечего бояться: если вся наша тактика, правда, и состоитъ изъ „сдѣлокъ", то все-таки изъ „сдѣлокъ" съ „дѣйствительностью", а не изъ „сдѣлокъ" съ „принципіальной совѣстью".

Мы вовсе не такъ „злы", чтобы думать, что тов. Кричевскій все это въ „серьезъ" говоритъ. Онъ добросовѣстно полагаетъ, что споритъ противъ „плана" Искры. Но почему же вы, дорогой товарищъ, спорите не противъ *того* или *другого* плана, а противъ *плана* вообще? И чѣмъ объясняется дѣйствительно странное обстоятельство, что, споря съ „Искрой", вы безпрестанно „заушаете" „общіе принципы научнаго соціализма"?

Но гдѣ-же все тяги критерій правильности тактики? Въ ея *принципіальности*. „Принципы" и „тактика" — вовсе не двѣ *различныя* категоріи. Это скорѣе двѣ стороны одной и той же медали, или, если хотите, тактика есть форма проявленія (Erscheinungsform) принциповъ. „Форма проявленія" иногда можетъ быть неудачной, неадекватной, но критеріемъ можетъ служить только ея „принципіальность". Практическое приложеніе данныхъ принциповъ вырабатываетъ „принципіальную совѣсть", которая никогда не позволитъ „сдѣку" возвести въ „принципъ". Вотъ почему „шатаніе" человѣка, обладающаго „принципіальной совѣстью" несравненно менѣе опасно, чѣмъ „шатаніе" человѣка, считающаго для себя обремененіемъ обладаніе „принципіальной совѣстью". Для такого принципіальнаго человѣка „шатаніе" служитъ предостереженіемъ противъ новыхъ откленіи отъ „принциповъ".

Тов. Кричевскій любитъ кстати и не кстати ссылаться на Либкнехта. Такихъ съ Божьей помощью поворотовъ, какіе продѣлалъ въ теченіе 1901 года тов. Кричевскій, Либкнехту никогда не приходилось продѣлывать. А Либкнехту, дѣйствительно, приходилось мѣнять тактику. Очень часто измѣненіе тактики диктовалось самими принципами, если же приходилось Либкнехту дѣлать отступленіе, онъ никогда не старался возвести свое отступленіе въ

*) Курсивъ нашъ. См. Б. Кричевскій. Принципы, тактика и борьба. Рабочее Дѣло, № 10, стр. 12.

„принципъ“. „Да, я сдѣлалъ это отступленіе, но сдѣлалъ его въ интересахъ партіи“, — такъ говорилъ испытанный „солдатъ революціи“. Вы можете не соглашаться съ его мнѣніемъ, но вы не можете бросить въ него камнемъ, если не хотите попасть въ разрядъ фарисеевъ.

„Лучшій судья въ вопросахъ тактики — успѣхъ“, любилъ повторять Либкнехтъ“, — такъ увѣряетъ насъ тов. Кричевскій. Можетъ быть, напомнить тов. Кричевскому, въ какой связи и по какому поводу сказано это Либкнехтомъ? Дѣло шло о тактикѣ соціалъ-демократіи, на которую нападали „независимые“, собиравшіеся вслѣдъ за „историческимъ поворотомъ“ Вильгельма II совершить свой „историческій поворотъ“ къ анархизму.

Конечно, лучшій судья въ вопросахъ „тактики“, какъ и всякой практики, какъ и всякой теоріи — „успѣхъ“. Но соціалъ-демократія, а съ нею и Либкнехтъ, нѣсколько своеобразно понимаютъ слово „успѣхъ“. „Успѣхъ“ соціалъ-демократіи складывается изъ цѣлаго ряда явленій, которые на языкѣ практиковъ называются „неудачами“, „неуспѣхомъ“. Это разъ А во вторыхъ — „успѣхъ“ доставляетъ намъ самую большую радость въ томъ случаѣ, если онъ является предвидѣннымъ нами результатомъ „взаимодѣйствія“ между дѣйствительностью и нашимъ на нее воздѣйствіемъ. Онъ предполагаетъ, слѣдовательно, вполнѣ опредѣленную задачу и вѣрный выборъ средствъ для ея рѣшенія. Только въ такомъ случаѣ „успѣхъ“ носитъ въ себѣ залогъ будущихъ „успѣховъ“.

Въ чемъ состоитъ практика соціалъ-демократіи, къ чему сводится ея дѣятельность? Въ превращеніи „стихійнаго“ процесса развитія противорѣчій капитализма въ сознательный. Говоря словами новой австрійской программы (въ переводѣ Кричевскаго), „носителемъ этого неизбѣжнаго процесса развитія можетъ быть только пробудившійся къ классовому сознанію и организованный для классовой борьбы пролетаріатъ. Суть программы соціалъ-демократической рабочей партіи состоитъ въ томъ, чтобы организовать пролетаріатъ, довести его до сознанія его положенія и его задачи, сдѣлать его духовно и физически способнымъ къ борьбѣ и сохранить въ немъ эту способность“. Правильны, стало быть, только тѣ средства, только та тактика, которыя соотвѣтствуютъ главной цѣли дѣятельности соціалъ-демократіи: развитію классоваго самосознанія пролетаріата. Кто отказывается отъ этого критерія правильной тактики, тѣмъ самымъ сходитъ съ почвы соціалъ-демократіи.

„Связываетъ ли намъ руки“ такая тактика? Ничуть. Послушайте Каутскаго, товарищъ Кричевскій, и вы увидите, что „тактика—планъ“ несравненно гибче, чѣмъ ваша „тактика—процессъ“,

освобождающая насъ отъ опасныхъ „шатаній“ путемъ возведенія „шатанія“ въ принципъ.

Что же говоритъ Каутскій? „Фактически именно тактика соціалъ-демократіи — и это прямо въ силу ея теоретическаго базиса — отличается такой способностью приспособляться, какъ никакая другая. Никакая случайность не можетъ застать ее въ расплохъ, она не связана ни съ какимъ опредѣленнымъ темпомъ развитія. Она считается какъ съ кризисомъ, такъ и съ расцвѣтомъ промышленности, какъ съ реакціей, такъ и съ революціей, какъ съ катастрофами, такъ и съ медленнымъ мирнымъ развитіемъ. Именно въ этой способности приспособляться, присущей соціалъ-демократіи, и лежитъ большей частью жизненная ея сила. У нея нѣтъ никакихъ основаній подрывать свои силы, приспособляя свою общую тактику къ особенному положенію, не принаравливая свою тактику къ катастрофамъ, не приноравливая ее также къ мирной мелкой работѣ на вѣчныя времена. Ей также мало приличествуетъ тактика, которая принципіально упускаетъ изъ виду кризисы, катастрофы, революціи, какъ и та, которая разсчитываетъ только на нихъ. Она утилизируетъ всякое положеніе и никогда не связываетъ себѣ напередъ рукъ“.

Скажите теперь, товарищъ Кричевскій, стоило ли вамъ забираться въ заоблачныя выси „философіи“ тактики, чтобы найти тамъ тактику, лишенную всякаго „философскаго“ духа и къ тому же растерять по дорогѣ „общіе принципы научнаго соціализма“?

И опять таки, почему это, споря противъ „плана“ Искры“, вы спорите противъ плана вообще?

Was ist der langen Rede kurzer Sinn? „Союзъ русскихъ Соціалъ-демократовъ долженъ отказаться отъ своего „общаго положенія“. Оно излишне, такъ какъ *говоря*, что „Союзъ дѣйствуетъ на почвѣ *научнаго* соціализма“, Союзъ уже сказалъ, что въ своей дѣятельности будетъ руководиться не только общими положеніями соціализма, но и общими политическими условіями и конкретнымъ соотношеніемъ общественныхъ классовъ*); оно вредно, потому что, ставя цѣлесообразность дѣятельности соціалъ-демократіи въ зависи-

*) Тов. Кричевскій, можетъ быть, теперь поймете, что я, при всей моей придирчивости, не могъ бы „жаловаться“ на автора передовицы 2-го № Искры. Для меня совершенно ясно, что онъ говорилъ не о *научномъ* соціализмѣ. Кстати, тов. Кричевскій старался еще конструировать противорѣчіе между мной и Молотовымъ. Покорнѣйше прошу его поэтому обратить свое благосклонное вниманіе на примѣчаніе, сдѣланное мною для „трезвенныхъ“ людей.

мость отъ „степени развитія рабочаго движенія“ оно этимъ выдаетъ carte blanche всякимъ отступленіямъ отъ принциповъ научнаго соціализма. „Непрерывный ростъ русскаго соціалъ-демократическаго движенія“ заставилъ уже Союзъ отказаться отъ многихъ положеній, подвергшихся моей „придирчиво-мелочной“ критикѣ, и я позволяю себѣ выразить скромную надежду, что онъ заставитъ Союзъ „своевременно“ и „съ большой пользой для дѣла“ отказаться и отъ этого положенія, конечно „безъ отношенія къ придирчиво-мелочной полемикѣ Рязанова“. Упаси, Боже!

Повторяемъ опять, что не всѣ обладаютъ не сокрушимымъ оптимизмомъ тов. Мартынова. Экономизмъ не умеръ еще, онъ только умираетъ и умираетъ, какъ генералъ Птицынъ, о которомъ отпѣвавшій его дьячекъ говорилъ: „ оченно много разнаго генералитету по понѣшнему времени представляются, но съ упорствомъ! Кажется, вонъ совсѣмъ глаза закатились, а онъ глядишь, очнулся да по щекѣ кого нибудь и сблаговѣстилъ!....

III

НИЗВЕРЖЕНІЕ САМОДЕРЖАВІЯ И СОЗНАНІЕ МАССЪ.

Да! „Экономизмъ“ далеко еще не умеръ! И мы еще не разъ наткнемся на него въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ чемъ видитъ редакція „Рабочаго Дѣла“ основное содержаніе новой программы ?

Въ установленіи средствъ для *вовлеченія* массы въ активную политическую борьбу. По нашему мнѣнію, терминъ „вовлеченіе“ часто встрѣчающійся въ нашей соціалъ-демократической литературѣ, выбранъ крайне неудачно. Онъ совершенно невѣрно передаетъ основной характеръ соціалъ-демократической программы, далекій отъ всякаго „вовлеченія“. Соціалъ-демократіи нѣтъ никакой необходимости „вовлекать“ рабочихъ въ „активную политическую борьбу“, какъ въ этомъ упрекаютъ ее всякаго рода противники прививанія рабочему классу чуждыхъ ему взглядовъ, — она должна лишь вносить свѣтъ сознанія въ необходимо развивающійся изъ данныхъ соціально-политическихъ условій активный протестъ

рабочаго класса, такъ же неизбѣжный, какъ неизбѣжно развитіе самого капитализма. Всѣ споры послѣднихъ лѣтъ, въ сущности, сводятся къ основному спорному пункту: одни считаютъ рабочій классъ пассивнымъ элементомъ, которому надо прививать помощью гомеопатическихъ дозъ принципы соціалъ-демократіи и, такимъ образомъ, постепенно „вовлечь“ его въ активную политическую борьбу; другіе считаютъ рабочій классъ, по самому его положенію, наиболѣе революціоннымъ классомъ въ Россіи и хотятъ только, пользуясь опытомъ исторіи и западно-европейской практики, выяснить ему какъ общія условія и ходъ его освобожденія, такъ и частныя условія, при которыхъ совершается эта борьба въ Россіи. Никогда не надо забывать, что соціалъ-демократія, въ противоположность другимъ революціоннымъ партіямъ, является только наиболѣе рѣшительной и сознательной частью *самого рабочаго класса*, его ecclesia militans. Соціалъ-демократія не имѣетъ претензій стоять надъ классами вообще, она не стоитъ и надъ пролетаріатомъ. „Соціалисты теперь уже не должны больше приносить пролетаріату спасеніе изъ его нищеты *сверху*, но должны поддержать его классовую борьбу, расширяя его пониманіе, способствуя развитію его экономическихъ и политическихъ организацій, чтобы онъ такимъ образомъ скорѣе и безболѣзненнѣе достигъ того момента, когда онъ сможетъ себя спасти самъ“.

Новый проэктъ австрійской программы далъ поводъ къ очень любопытнымъ преніямъ, представляющимъ большой интересъ и для насъ. Марксу обыкновенно приписывается совершенно невѣрный взглядъ, что экономическое развитіе и борьба классовъ создаютъ не только предварительныя условія соціалистическаго производства, но и ведутъ *непосредственно* и къ *сознанію* его необходимости. Если бы это было вѣрно, то противникамъ оставалось бы только указать на примѣръ Англіи, что они и дѣлаютъ, а защитникамъ марксизма, понимаемаго въ этомъ смыслѣ, конечно, нечего было бы и думать о „вовлеченіи“ пролетаріата: онъ „самъ собою“ становится соціалъ-демократическимъ. Но дѣло не такъ просто. Мнѣніе, что соціалъ-домократія выростаетъ „сама собою“ изъ нѣдръ пролетаріата, такъ же невѣрно, какъ и мнѣніе, что соціализмъ вносится въ среду пролетаріата *извнѣ* буржуазной интеллигенціей. Я не буду останавливаться на этомъ вопросѣ. Скажу только, что вѣрно понятая соціалъ-демократія исключаетъ всякую противоположность между „интеллигенціей“ и рабочимъ классомъ. Соціалъ-демократія именно и есть „интеллигенція“ рабочаго класса,—будь это Либкнехтъ или Бебель, Ауэръ или Фольмаръ, Анзиль или Вандервельде, Иглезіасъ или Меза, Гэдъ или Делори. Среди этой „интеллигенціи“ могутъ существовать разногласія, но объясненія ихъ мы найдемъ не въ противоположности

„интеллигенціи“ и „рабочаго класса“, представителей умственнаго труда и представителей физическаго. Бебель вноситъ въ ряды пролетаріата идеи соціалъ-демократіи въ такой же степени извнѣ, какъ это дѣлалъ Либкнехтъ. И то обстоятельство, что представители буржуазной интеллигенціи — Марксъ, Энгельсъ, Либкнехтъ — находятъ себѣ откликъ въ Бебеляхъ, показываетъ, что приносимое якобы *извнѣ* ученіе составляетъ только выводъ изъ условій существованія рабочаго класса. Причина становится слѣдствіемъ и — наоборотъ. Соціалъ-демократія, сама являясь продуктомъ историческаго развитія, дѣтищемъ пролетаріата, достигшаго въ лицѣ своихъ наиболѣе развитыхъ представителей классового самосознанія, въ свою очередь становится учительницей отставшихъ слоевъ пролетаріата. Научный соціализмъ, или принципы соціалъ-демократіи — это оформленное самосознаніе пролетаріата, и задачей соціалъ-демократической партіи является возможно болѣе скорое и возможно болѣе полное развитіе этого самосознанія. Приходя въ столкновеніе съ различными слоями рабочей массы, наталкиваясь на различныя мѣстныя и профессіональныя различія, при благопріятныхъ условіяхъ имѣющихъ тенденцію окаменѣвать, соціалъ-демократія, какъ представительница интересовъ рабочаго *класса*, должна неустанно съ нимъ бороться. „Дѣло вовсе не въ томъ, что тотъ или иной пролетарій, а иногда даже весь пролетаріатъ „мнитъ“. Дѣло идетъ о томъ, что пролетаріатъ есть и что сообразно этому бытію своему онъ исторически принужденъ сдѣлать“. Его цѣль и историческая миссія осязательно, неотразимо диктуется ему какъ всѣмъ его жизненнымъ положеніемъ, такъ и всей организаціей современнаго буржуазнаго общества“.

Вотъ почему соціалъ-демократія должна неустанно изслѣдовать *объективныя* условія существованія всего *класса* пролетаріата. Развивая сознаніе среди рабочихъ, она не должна ни на минуту забывать, что ея задача — развивать классовое сознаніе, что она должна стремиться къ тому, чтобы пролетаріатъ понялъ свои *классовые* интересы. Механизмъ капиталистическаго процесса производства „самъ“ уже заботится о томъ, чтобы создаваемый имъ пролетаріатъ началъ свой протестъ, въ началѣ всегда разрозненный. У рабочихъ имѣются уже свои *сознанные интересы*, сознаніе ихъ, опираясь на данныя условія — мѣстныя или профессіональныя, — подъ вліяніемъ традицій, выработало кругъ идей, съ которыми такъ или иначе приходится бороться. *Сознанные интересы* должны уступить мѣсто не *сознанному* еще *классовому* интересу. Являясь *классовымъ интересомъ* всего рабочаго класса, онъ для данной группы рабочихъ всегда является чѣмъ то принесеннымъ *извнѣ*, навязываемымъ какими-то внушителями. Это, конечно, иллюзія. Такая же иллюзія, какъ и такъ называемое „внѣшнее вліяніе“

въ области международнаго духовнаго обмѣна. Воспринимается такъ или иначе лишь то, что находитъ вполнѣ подготовленную почву. „Внѣшнее вліяніе“ можетъ объяснить лишь нѣкоторыя особенности въ „формѣ“, въ которую отлилась данная идея — но не больше.

Соціалъ-демократія не можетъ и не должна ни въ какомъ случаѣ ограничивать сферу своего воздѣйствія *сознанными уже* интересами рабочей массы. Не отрицая самаго факта различія *сознанныхъ интересовъ*, она всѣ свои усилія должна направить на то, чтобы, исходя изъ данныхъ сознанныхъ уже интересовъ, провести въ сознаніе рабочихъ ихъ *классовые* интересы. Только этимъ опредѣляется все содержаніе соціалъ-демократической пропаганды и агитаціи. Всѣ попытки ограничить ее рамками *уже* сознанныхъ интересовъ только задерживаетъ пониманіе *еще* не сознанныхъ *классовыхъ* интересовъ. Всякая ссылка на массы и ихъ не подготовленность показываетъ только, какъ плохо *практики* понимаютъ *практику*, какъ мало въ состояніи они вырваться изъ круга интересовъ данной мѣстности, какъ слабо усвоили они себѣ понятіе развитія, какъ поверхностно ихъ знакомство съ принципами соціалъ-демократіи — этой теоріи освободительнаго движенія рабочаго класса. Наши практики, придавая такое огромное значеніе массовидности своей аргументаціи, всегда забываютъ, что ихъ выводы о массѣ являются лишь массовыми выводами изъ ограниченнаго количества наблюденій надъ отдѣльной мѣстностью, отдѣльной профессіей, отдѣльной группой рабочихъ. А самое понятіе массы? Есть ли что-нибудь болѣе неопредѣленное, особенно въ устахъ нашихъ практиковъ? Къ несчастью, эти практики отличаются еще страстью къ обобщеніямъ, которой могъ бы позавидовать самый завзятый теоретикъ. Со смѣлостью, достойной лучшей участи, они опытъ, почерпнутый изъ своей практики, распространяютъ на „всякія массы“ и, что всего хуже, забываютъ, что „массы“, изъ которыхъ составляется рабочая масса данной страны, въ процессѣ развитія соціально-политическихъ условій превращается въ массу sui generis, въ *классъ*, проникнутый сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ со стороны людей, преклоняющихся предъ словомъ — „масса“, говорящихъ о необходимости опираться на сознанные интересы массы, что въ своемъ спорѣ съ „ доктринерами“ они забываютъ, что послѣдніе являются представителями *большей* массы? Или быть можетъ, масса,превращающаяся *въ классъ для себя*, перестаетъ быть массой? Соціалъ-демократія — партія будущаго, но она выростаетъ изъ нѣдръ настоящаго. Лишь въ томъ случаѣ, если соціалъ-демократія руководится интересами рабочаго класса, не только какъ уже данной величины, но и какъ развивающейся, если она сливаетъ

отдѣльные ручейки профессіональныхъ и мѣстныхъ „массовыхъ“ движеній въ одинъ могучій чистый потокъ соціалъ-демократическаго рабочаго движенія, она можетъ стать партіей пролетаріата, т. е. *массы*, которая неудержимо ростетъ вмѣстѣ съ развитіемъ всего общества. Иначе она обречена на то, чтобы всегда тащиться въ хвостѣ рабочаго движенія.

Возьмемъ конкретный примѣръ. Онъ подсказывается споромъ послѣднихъ лѣтъ о ближайшихъ задачахъ россійской соціалъ-демократической партіи. Вѣрная традиціямъ русскаго революціоннаго движенія, русская соціалъ-демократія съ самаго начала выставила своей ближайшей задачей — низверженіе абсолютизма. Но цѣлый рядъ причинъ, въ разсмотрѣніе которыхъ мы не входимъ теперь,*) привелъ къ тому печальному періоду, который породилъ такъ называемое „credo“. Выставивъ положеніе, что „русскимъ товарищамъ на практикѣ волей-неволей приходится считаться съ той ступенью сознанія рабочими своихъ интересовъ, которое въ дѣйствительности уже достигнуто различными группами рабочаго класса въ Россіи“, наши экономисты пришли къ заключенію, что „политическая борьба можетъ быть лишь тогда включена въ программу русской соціалъ-демократіи, когда въ ея распоряженіи будутъ находиться *силы и средства* для этой борьбы, когда политическая борьба явится *потребностью, „дѣйствительно ощущаемой рабочимъ классомъ“, интересомъ, „сознаннымъ данной мѣстностью“*.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ открещивается и руками, и ногами отъ всякаго духовнаго родства съ гг. М.М. и Н.Н., но факты вопіютъ противъ нея. Въ своей статьѣ о старой программѣ „Рабочаго Дѣла“ я уже указалъ на своеобразіе позиціи, занятой редакціей „Рабочаго Дѣла“. Она выдвинула, вѣрнѣе возвела въ теорію, частичное завоеваніе политической свободы, поставивъ на мѣсто завоеванія послѣдней завоеваніе политическихъ правъ. Она сдѣлала шагъ впередъ въ сравненіи съ М.М. По ея мнѣнію, рабочій классъ въ Россіи уже созрѣлъ достаточно для того, чтобы партія могла выставить требованіе различныхъ свободъ. Утопическая про-

*) Смѣшно приписывать тотъ кризисъ, который переживаетъ наша партія, „злой волѣ“ нѣсколькихъ лицъ и „вырыванію“ жандармами все большаго и большаго числа революціонеровъ— „стариковъ“, какъ это дѣлаетъ тов. Ленинъ. Достаточно внимательно прочесть подъ рядъ брошюры „Объ агитаціи“, „Современная Россія“, „Рабочее дѣло въ Россіи“ и „Красное знамя въ Россіи“, чтобы увидѣть, какъ медленно развивалось пониманіе политическихъ задачъ русской соціалъ-демократіи у такъ называемыхъ „практиковъ“.

грамма группы „Освобожденіе Труда“ отвергалась, и на ея мѣсто становилась болѣе практическая программа „Рабочаго Дѣла“.

Но „непрерывный ростъ русскаго соціалъ-демократическаго движенія за послѣдніе три года“ вмѣшался и тутъ. Онъ заставилъ подвергнуть „формулировку средствъ политической агитаціи“ въ связи съ вопросомъ о „частичныхъ“ или „ближайшихъ правахъ“ „*наиболѣе значительнымъ измѣненіямъ*“ (курсивъ мой). Изъ нея теперь исключено подвергшееся моей „придирчиво-мелочной“ критикѣ положеніе, что „ближайшія политическія права“ являются „необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго всесторонняго развитія рабочаго движенія“. По признанію самой редакціи, „это выраженіе въ связи съ неудачнымъ эпитетомъ „ближайшій“ можетъ подать поводъ и подавало поводъ къ толкованію, будто при самодержавіи возможно *достиженіе* „ближайшихъ“ правъ“.

Но, къ вящшему сожалѣнію, „сильный ростъ соціалъ-демократическаго рабочаго движенія въ идейномъ и въ практическомъ отношеніяхъ“, который одинъ только заставилъ редакцію пересмотрѣть старую программу, не оказался на столько сильнымъ, чтобы заставить отказаться редакцію отъ теоріи М. М. и Н. Н. Мало того, въ новой формулировкѣ ярко проглядываетъ вся подоплека послѣднихъ шатаній „Рабочаго Дѣла“. Приглашаемъ товарищей, не расположенныхъ къ „мелочно-придирчивой критикѣ“, внимательно прочитать вмѣстѣ съ нами слѣдующую резолюцію, носящую заглавіе: „Политическій ростъ рабочаго движенія въ Россіи“.

„По мѣрѣ развитія и распространенія борьбы рабочихъ *за сознанные ими интересы* *) массовое рабочее движеніе въ Россіи, сливаясь съ соціалъ-демократіей, выходитъ на все болѣе широкій путь революціонной классовой борьбы и становится все болѣе доминирующимъ факторомъ русской общественной жизни.

„Развитіе рабочаго движенія подъ знаменемъ соціалъ-демократіи дѣлало для рабочихъ *все болѣе ощутительною* потребность въ политическихъ правахъ. А такъ какъ эти права стоятъ по существу въ противорѣчіи съ самодержавнымъ вежимомъ, то (!) *въ сознаніи рабочей массы* низверженіе самодержавія становится *уже теперь непосредственной, конкретной задачей борьбы*. Такимъ образомъ низверженіе самодержавія, которое *всегда было программною задачею русской соціалъ-демократіи*, выдвинутой всѣмъ ходомъ русской исторіи и завѣщанною прежнимъ революціоннымъ движеніемъ, теперь переходитъ *изъ области соціалъ-демократической пропаганды въ область непосредственной революціонной борьбы*“.

*) Курсивъ всюду мой.

Трудно повѣрить, что эта резолюція составлена редакціей *соціалъ-демократическаго* органа. Непосредственной, конкретной задачей борьбы можетъ являться лишь то, что находится въ сознаніи рабочей массы! Къ чему же сводится работа соціалъ-демократіи? Не къ тому ли, чтобы идти въ хвостѣ рабочаго движенія и регистрировать въ своей программѣ уже сознанные интересы рабочихъ? Редакція рабски слѣдуетъ за г. N. N. Онъ тоже ничего не имѣетъ противъ „утопій“, разъ только онѣ являются „программными задачами“, ограничиваются „областью соціалъ-демократической пропаганды“. Послушаемъ г. N. N.

„Реальной силой въ рабочемъ движеніи является степень сознанія рабочимъ классомъ своихъ интересовъ и степень его организованности.... Жизнь постоянно ставитъ передъ сознаніемъ рабочихъ все новые и новые интересы. Совокупность общественныхъ отношеній — экономическихъ, правовыхъ, политическихъ и т. д. — опредѣляетъ, какіе интересы *могутъ быть* у рабочихъ, но не опредѣляетъ, какіе интересы уже сознаны рабочими и вошли въ ихъ жизнь.... Несомнѣнно русское рабочее движеніе чревато политической революціей. Но вопросъ не въ томъ, богато ли оно при современномъ строѣ русской жизни политическими задачами, а въ томъ, на какой ступени его развитія задачи эти могутъ быть внесены въ его программу, могутъ быть *реализованы*, другими словами, когда для разрѣшенія ихъ созрѣетъ въ немъ матеріальная сила?... Интересы самой русской революціи заставляютъ насъ пока ограничиваться политической пропагандой, изгая всѣми силами политической агитаціи“.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ дѣлаетъ шагъ впередъ. По ея мнѣнію, низверженіе самодержавія можетъ уже быть предметомъ политической агитаціи. Но почему? Оно стало *сознаннымъ интересомъ рабочихъ*. Экономизмъ, выгнанный въ дверь, забрался въ окно или, вѣрнѣе, онъ и не уходилъ. Наша „конечная цѣль“ то же „програмная задача“, хотя только она дѣлаетъ насъ соціалъ-демоктатами. Можемъ ли мы говорить о замѣнѣ капитализма соціализмомъ, можемъ ли мы агитировать въ пользу соціализма? Или мы будемъ ждать того момента, когда соціализмъ станетъ въ сознаніи рабочей массы непосредственной конкретной задачей борьбы?

Редакція „Рабочаго Дѣла“ вмѣстѣ съ нашими экономистами никакъ не можетъ взять въ толкъ глубокое различіе между массовымъ рабочимъ движеніемъ и соціалъ-демократическимъ рабочимъ движеніемъ. Для соціалъ-демократіи не существуетъ „программныхъ задачъ“, еще не перешедшихъ въ область непосредственной революціонной борьбы. „Конечная цѣль“ въ то же время ея „исходный пунктъ“. Именно потому, что противорѣчія *существующаго* строя могутъ найти и теперь свое окончательное рѣ-

шеніе только въ соціализмѣ — она и дѣлаетъ его исходнымъ пунктомъ своей „непосредственной революціонной борьбы“, центромъ тяжести всей своей пропаганды и агитаціи. Быть соціалистомъ — вовсе не значитъ ни къ селу, ни къ городу расписывать картины прекраснаго будущаго, — несравненно важнѣе критика существующаго, настоящаго, показывающая, что нѣтъ изъ него другого выхода, кромѣ соціализма. Это *сознаніе* очень медленно проникаетъ въ рабочую массу, но мы знаемъ, что оно не можетъ не проникать, что намъ на помощь являются всѣ общественно-экономическія условія. И вся наша „непосредственная революціонная борьба“ должна сводиться къ распространенію этого сознанія всѣми средствами, за исключеніемъ „конечно, тѣхъ, которыя... затемняютъ его. Вся „теоретическая“ и „практическая“ работа соціалъ-демократіи должна быть проникнута этой „программной задачей“. Иначе все наше отличіе, скажемъ, отъ демократовъ, сводилось бы только къ тому, что мы имѣли бы въ запасѣ нѣсколько формулъ. А между тѣмъ, какъ бы ни была сходна такъ называемая Gegenwartsarbeit демократовъ и соціалъ-демократовъ, практика послѣднихъ рѣзко отличается отъ практики первыхъ; вся она проникнута стремленіемъ развить *классовое самосознаніе рабочихъ*. А это возможно только путемъ выясненія противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата и необходимости уничтоженія капитализма.

Такой „программной задачей“ для русской соціалъ-демократіи является низверженіе самодержавія. Наши экономисты и полуэкономисты много издѣвались надъ слѣдующимъ пунктомъ программы группы „Освобожденіе Труда“: „Борьба противъ абсолютизма обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей“. Приведя эти слова, г. N. N. восклицаетъ: „Итакъ, немедленная, непрестанная борьба съ русскимъ самодержавіемъ! Неправда-ли, какъ много „путей“ и „силъ“ предлагаетъ намъ русская дѣйствительность для веденія этой борьбы?“ Редакція „Рабочаго Дѣла“, гордая своей практичностью, писала по тому же поводу: „низверженіе абсолютизма не можетъ быть первой политичеекой задачей рабочихъ кружковъ. Рабочимъ кружкамъ вообще недоступны политическія задачи въ дѣйствительномъ, практическомъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ цѣлесообразной и успѣшной *практической* борьбы за политическія требованія.... Но и массовому движенію по тактическимъ соображеніямъ, невозможно ставить „первой“ политической задачей — низверженіе абсолютизма. Его первой политической задачей прак-

тически можетъ быть только борьба за ближайшія политическія требованія".

Наши практики забывали, однако, что „переходъ этой задачи изъ области соціалъ-демократической пропаганды въ область непосредственной революціонной борьбы" возможенъ былъ только потому, что эти кружки съ самаго начала считали ее ближайшей задачей своей дѣятельности. Они знали не хуже теперешнихъ практиковъ, что осуществленіе этой задачи требуетъ усилій и работы не одного поколѣнія революціонеровъ, но они знали также, что эта работа пойдетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ больше эта задача будетъ проникать всю область дѣятельности этихъ кружковъ. Историческое право соціалъ-демократіи на существованіе и состоитъ именно въ томъ, что она *уже* борется, *теперь* борется за осуществленіе той задачи, которая, къ сожалѣнію, кажется „программной", не только не соціалъ-демократамъ. Поэтому, съ точки зрѣнія „здраваго смысла", *вся* ея дѣятельность является *непрактичной*. Но она знаетъ, что qui ira bien qui ira le dernier — и не смущается ни насмѣшками своихъ враговъ, ни колебаніями своихъ друзей, увлекающихся желаніемъ быть практичными. Исторія даетъ намъ не мало примѣровъ тому, на какое жалкое фіаско осуждены практики.

Русская соціалъ-демократія пережила и переживаетъ еще кризисъ. Характерная черта его, что подъ вліяніемъ „экономистовъ" ближайшая задача русской соціалъ-демократіи, проникавшая всю область непосредственной революціонной борьбы, для многихъ товарищей нашихъ превратилась въ „программную задачу", о которой вспоминали только въ торжественные моменты и которая считалась доступной пониманію только незначительнаго числа посвященныхъ. Редакція „Рабочаго Дѣла" поняла наконецъ, что низверженіе самодержавія является не только „программной", „исторической" задачей рабочаго класса, доступной ему въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но и задачей настоящаго момента, которая должна проникать всю область непосредственной революціонной работы. Но, сдѣлавъ *практически* этотъ шагъ, она, несмотря на свои увѣренія, что она стоитъ на почвѣ научнаго соціализма, *теоретически* до сихъ поръ повторяетъ положенія г. N N

Пора понять, что низверженіе самодержавія является наиболѣе *практической* задачей именно для соціалъ-демократіи, что, ставъ во главѣ освободительной борьбы, она обезпечиваетъ себѣ наиболѣе благопріятныя условія дѣятельности на другой день послѣ революціи, что, ведя уже теперь энергичную политическую борьбу, она уже, въ настоящемъ, измѣняетъ въ свою пользу соотношеніе политическихъ силъ. Пора понять, что раздѣленіе области соціалъ-демократической пропаганды и области непосредственной

революціонной борьбы, т. е. агитаціи, въ высшей степени пагубно, открывая лазейку для будущихъ практиковъ, которые постараются при первомъ удобномъ случаѣ опять изгнать принципы соціалъ-демократіи изъ области „агитаціи“ въ область „пропаганды“*). Пора отказаться отъ ограниченія пропаганды и агитаціи *уже сознанными интересами*. И пора бросить пустыя рѣчи о „программныхъ задачахъ“, переходящихъ изъ области соціалъ-демократической пропаганды въ „область непосредственной революціонной борьбы“ только потому, что онѣ становятся „уже теперь непосредственной конкретной задачей борьбы“ въ „сознаніи рабочей массы“. Это „программная задача“, которая, какъ и остальныя „программныя задачи“, диктуется соціалъ-демократіи интересами пролетаріата и должна быть *проведена въ его сознаніе*. А то мы сегодня будемъ говорить, что низверженіе самодержавія можетъ быть только программной задачей, потому что оно еще не стало въ сознаніи рабочей массы непосредственной, конкретной задачей борьбы“, а завтра, наоборотъ, мы будемъ увѣрять, что мы уже должны броситься на приступъ, потому что въ сознаніи рабочей массы и т. д. и т. д. Остается только диву даться, какимъ путемъ такая задача проникла въ сознаніе массы. Удивительно ли, что товарищу Кричевскому приходится звать на помощь „стихійный элементъ“?

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что, даже съ точки зрѣнія приверженцевъ „экономической борьбы“, самой „насущной“ самой „практической“ задачей для русской соціалъ-демократіи является низверженіе абсолютизма.

IV

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

„Взаимоотношеніе экономической и политической борьбы, которое въ нашей старой программѣ было формулировано неясно и потому до извѣстной степени противорѣчиво“, формулировано те-

*) „При этомъ слѣдуетъ строго отличать агитацію и пропаганду. Агитировать можно то, что имѣетъ шансы на успѣхъ и можетъ охватить ту или другую массу“. Изъ письма г. Г. Vademecum, стр. 32. „Дѣло въ томъ, что мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ различать содержаніе нашей программы отъ содержанія нашей агитаціи“. Изъ отвѣта на брош. Аксельрода, Vademecum, стр. 48.

перь, по словамъ редакціи „Рабочаго Дѣла“, въ иномъ видѣ, ставящемъ его „въ связь съ непосредственной революціонной борьбой за демократическую конституцію“. Я могу опять съ удовольствіемъ констатировать, что моя „мелочно-придирчивая“ критика и на этотъ разъ предвосхитила „сильный ростъ соціалъ-демократическаго движенія за послѣдніе три года“. И мое удовольствіе было бы еще больше, еслибы въ новой формулировкѣ не было ни противорѣчій, ни неясностей. А, къ сожалѣнію, ихъ очень много.

„При самодержавномъ режимѣ Россіи всѣ формы и области борьбы пролетаріата должны входить въ сферу дѣятельности соціалъ-демократіи, которая и направляетъ ихъ къ своей ближайшей политической цѣли“.

Почему именно при самодержавномъ режимѣ? А при конституціонномъ въ сферу дѣятельности соціалъ-демократіи должны входить не „всѣ формы и области борьбы пролетаріата“? Почему соціалъ-демократія должна направлять всѣ эти „формы и области“ къ своей ближайшей *политической* цѣли? Руководя всѣми „формами и областями борьбы пролетаріата“, соціалъ-демократія направляетъ ихъ къ своей „ближайшей“ цѣли: развитію классового самосознанія рабочихъ. Не лучше ли было бы сказать: „Въ сферу дѣятельности соціалъ-демократіи должны входить всѣ формы и области борьбы пролетаріата, такъ какъ это лучшее средство для развитія его классового самосознанія. При самодержавномъ режимѣ соціалъ-демократія пользуется всѣми фактами этой борьбы, чтобы выяснять рабочему классу необходимость низверженія самодержавія“.

Уже въ старой программѣ экономическая борьба, какъ средство „широкаго политическаго воздѣйствія на массы“, признавалась только въ случаѣ вмѣшательства полиціи и жандармеріи. Позволю себѣ привести свои слова по этому поводу: „Насъ трудно обвинить въ особенномъ пристрастіи къ „чисто-экономической борьбѣ. Но мы думаемъ, что она не только въ „случаяхъ преслѣдованій и т. д. и т. д.“ можетъ послужить средствомъ къ „широкому политическому воздѣйствію на массы“. Нѣтъ такого „чисто-экономическаго“ требованія, — пусть это будетъ даже требованіе прибавки „копейки на рубль“, — которое нельзя было бы поставить въ связь съ общими политическими условіями, которымъ нельзя было бы воспользоваться для пробужденія въ рабочей массѣ политическаго и классового сознанія. Нѣтъ и не можетъ быть такой „мелкой нужды“, такого „мелкаго“ требованія рабочихъ, на защиту которыхъ не должна была бы выступить соціалъ-демократія, не измѣняя своему знамени. Наоборотъ. Выступая на защиту этихъ „мелкихъ“ нуждъ, являясь единственнымъ адвокатомъ рабочаго класса, адвокатомъ, котораго въ его защитѣ не свя-

зываютъ никакія „постороннія соображенія“, соціалъ-демократія этимъ самымъ *наглядно* доказываетъ рабочимъ, что даже „въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій“ только наша партія является наиболѣе рѣшительнымъ борцомъ за улучшеніе положенія рабочаго класса. Рано или поздно, но наступитъ же, наконецъ, день, когда надъ Россіей взойдетъ заря политической свободы. И чѣмъ больше наша партія будетъ работать до этого желаннаго дня, чѣмъ активнѣе будетъ ея участіе во всѣхъ событіяхъ *настоящаго*, чѣмъ тѣснѣе свяжетъ она свою дѣятельность со всѣми проявленіями жизни рабочаго класса, тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе пойдетъ ея развитіе „на другой день послѣ революціи“, тѣмъ меньше ей грозитъ опасность встрѣтить на аренѣ политической жизни какую-нибудь буржуазную партію, которая, опираясь на свои заслуги, тащила бы въ своемъ хвостѣ часть рабочаго класса. Вотъ почему такъ важно, чтобы всѣ возможныя „частичныя“ улучшенія добыты были соціалъ-демократической партіей, строго охраняющей чистоту своихъ принциповъ; вотъ почему мы не должны уступать никакой партіи чести рѣшительнаго выступленія на защиту „труждающихся и обремененныхъ“, „униженныхъ и оскорбленныхъ“, которыми такъ богата наша „обильная Русь“.

Характерно, что наши „экономисты“ и „полу-экономисты“ совершенно просмотрѣли, какое важное значеніе именно въ *этомъ* отношеніи итѣетъ руководство экономической борьбой пролетаріата для соціалъ-демократіи. А между тѣмъ печальный опытъ странъ, въ которыхъ профессіональное движеніе пролетаріата носитъ „чисто-рабочій“ характеръ, долженъ былъ бы показать нашимъ соціалъ-дембкратамъ изъ категоріи „учениковъ жизни“, какое громадное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что для „молодыхъ“ странъ — Германіи, Австріи и въ еще большей степени Россіи — „экономическая борьба“ уже съ первыхъ шаговъ своихъ попала подъ руководство соціалъ-демократіи. Вмѣсто того, чтобы служить предостереженіемъ, примѣръ Англіи приводитъ ихъ только къ взгляду на соціалъ-демократію, какъ на аксессуаръ рабочаго движенія, безъ котораго оно можетъ обойтись до тѣхъ поръ, пока рабочая масса не „ощутитъ потребности“ въ соціализмѣ. Возмущаясь намѣреніемъ „доктринеровъ“ превратить уже теперь рабочее движеніе въ соціалъ-демократическое рабочее движеніе, навязать рабочему классу не сознанные имъ еще интересы, они съ легкимъ сердцемъ предоставляютъ пролетаріатъ въ распоряженіе буржуазныхъ партій или сами превращаются во „временно-обязанныхъ“ демократовъ. Успѣхи рабочаго движенія для нихъ прямо пропорціональны быстротѣ его превращенія въ „чисто-рабочее“ движеніе; для нихъ совершенно непонятно, какимъ образомъ „руковод-

ство экономической борьбой пролетаріата тѣмъ болѣе важно для соціалъ-демократіи, что оно является лучшимъ средствомъ воспрепятствовать возникновенію и укрѣпленію различныхъ формъ „чисто-рабочаго“ движенія“.

Опытъ исторіи для нихъ не существуетъ. А между тѣмъ та же Англія показываетъ, съ какими трудностями приходится бороться соціалъ-демократіи тамъ, гдѣ буржуазія пріобрѣла такія славныя традиціи, тамъ гдѣ она въ свой активъ могла записать цѣлый рядъ крупныхъ пріобрѣтеній въ области политической свободы. Та же Англія наказываетъ, съ какимъ трудомъ пріобрѣтаетъ свои „чисто-пролетарскія“ права рабочій классъ. Редакція „Рабочаго Дѣла“, которой неоднократно указывали на это обстоятельство, теперь объясняетъ его „недостаточнымъ развитіемъ экономической борьбы пролетаріата и пролетарской борьбы вообще“*). Но его скорѣе приходится объяснить недостаточнымъ развитіемъ *политической* борьбы. Даже тамъ, гдѣ она велась, она, къ сожалѣнію, долго сохраняла свой буржуазный характеръ. Экономическая борьба заполняетъ исторію первыхъ десятилѣтій XIX вѣка въ Англіи, она часто, очень часто давала поводъ къ „преслѣдованіямъ“, „массовымъ арестамъ“, „высылкамъ рабочихъ“, „звѣрской расправѣ со стачечниками“, несмотря на отсутствіе самодержавія, и все-таки рабочіе добились своихъ „чисто-пролетарскихъ“ правъ, когда, отказавшись отъ роли хвоста буржуазной демократіи, образовали особую политическую партію. И только отсутствіе такой особой политической партіи объясняетъ намъ безнаказанную дерзость, съ которой въ прошломъ году верховный судъ могъ лишить англійскіе трэдъ-юніоны одного изъ наиболѣе насущныхъ правъ.

Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Германіи. Профессіональное движеніе въ этой странѣ быстро догоняетъ англійское по своимъ размѣрамъ и уже превосходитъ его по своей сознательности. Всѣми своими успѣхами оно цѣликомъ почти обязано соціалъ-демократіи. Въ Австріи профессіональное движеніе существуетъ почти исключительно среди соціалъ-демократовъ. Россія находится еще въ болѣе благопріятномъ положеніи, создаю-

*) Тов. Ленинъ увѣряетъ насъ, что „въ нѣкоторыхъ странахъ легализація цеховыхъ союзовъ предшествовала легализаціи соціалистическихъ и политическихъ союзовъ“. Интересно было бы узнать, въ какихъ именно? Исторія показываетъ, что во *всѣхъ* странахъ, гдѣ были „легализованы“ цеховые союзы, этой легализаціи (во многихъ странахъ и до сихъ поръ еще не проведенной) *предшествовала* легализація политическихъ союзовъ, т. е. свобода собраній и союзовъ.

щемъ возможность полнаго устраненія противорѣчія между экономической и политической борьбой пролетаріата.

Наши „экономисты“ мечтаютъ о томъ, какъ рабочій классъ, пройдя послѣдовательно всѣ „классы“, наконецъ достигнетъ пониманія задачъ соціалъ-демократіи. Но въ своемъ слѣпомъ увлеченіи этой „божественной теоріей классовъ“ они не замѣтили одного факта, который чреватъ чрезвычайно благопріятными послѣдствіями. Если о нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ еще можно сказать, что рабочіе стали соціалъ-демократами, потому что убѣдились, что экономическая борьба сама по себѣ или политическая борьба въ рядахъ буржуазной демократіи недостаточна, то о Россіи можно сказать, что профессіональное движеніе развивается среди рабочихъ прямо пропорціонально развитію соціалъ-демократической пропаганды. *Нужна была вся сила идеи освобожденія рабочаго класса, чтобы разбудить въ рабочихъ сознаніе ихъ профессіональныхъ интересовъ.* Если уже теперь въ Австріи рабочіе союзы, „теоретически“ доступные всѣмъ рабочимъ безъ различія партіи или религіи, „практически“ состоятъ только изъ соціалъ-демократовъ, то въ Россіи профессіональное движеніе является роднымъ дѣтищемъ соціалъ-демократіи, и чѣмъ сильнѣе будетъ идти пропаганда соціалъ-демократіи, тѣмъ быстрѣе и сознательнѣе пойдетъ развитіе столь любезной нашимъ „экономистамъ“ и столь плохо понимаемой ими экономической борьбы. Но этой борьбой должна руководить *соціалъ-демократическая* партія, а ее не создать дѣятельностью, которая на каждомъ шагу боится повредить себѣ своей излишней соціалъ-демократичностью. „Кто станетъ обосновывать, напр., необходимость мореплаванія для поѣздки въ Америку той или иной теоріей движенія или пространства?“ Для тов. Кричевскаго вообще кажутся излишними „философско-тактическія“ соображенія, доказывающія необходимость низверженія самодержавія. А между тѣмъ ясное пониманіе громаднаго значенія, которое имѣетъ руководство соціалъ-демократіи экономической борьбой пролетаріата, неразрывно связано съ пониманіемъ этихъ „философско-тактическихъ“ соображеній. Русская соціалъ-демократія должна, во имя своихъ же интересовъ и въ цѣляхъ облегченія своей дальнѣйшей задачи, стать во главѣ борьбы съ самодержавіемъ. Нѣтъ ни одного класса въ Россіи, который бы такъ нуждался въ политической свободѣ, какъ рабочій классъ. Въ то время, какъ политическая свобода для нѣкоторыхъ общественныхъ группъ является лишь аксессуаромъ, безъ котораго легко обойтись, а для другихъ является предѣломъ, его же не прейдеши, для рабочаго класса она составляетъ лишь первый шагъ, она только открываетъ ему возможность вести свою классовую борьбу. Или говоря на грубомъ языкѣ матеріальныхъ интересовъ: въ то

время, какъ другіе классы имѣютъ возможность бороться за свои матеріальные интересы и при самодержавномъ режимѣ, рабочій классъ и по низверженіи самодержавія получаетъ эту возможность лишь въ той степени, въ какой онъ успѣлъ сложиться въ серьезную политическую силу. Вотъ почему низверженіе самодержавія является самымъ насущнымъ интересомъ русскаго рабочаго класса. Чтобы руководить экономической борьбой пролетаріата, русская соціалъ-демократія должна направить всѣ свои усилія, всю свою энергію на уничтоженіе самодержавія. Но она должна это дѣлать, какъ *соціалъ-демократическая* партія. И „при самодержавномъ режимѣ“ рабочій классъ уже ведетъ экономическую борьбу — *соціалъ-демократическая партія* должна спѣшить ему на помощь, поскольку это возможно при *самодержавномъ режимѣ*. Такая дѣятельность создаетъ традиціи, силу которыхъ можетъ оцѣнить лишь тотъ, кто знаетъ, сколько энергіи пришлось затратить нашимъ французскимъ товарищамъ — членамъ французской рабочей партіи (гедистамъ) — чтобы ослабить престижъ буржуазной демократіи, съ гордостью указывавшей на свое геройское прошлое. „Стоя, такъ сказать, у колыбели рабочаго движенія, вникая внимательно во всѣ его, даже мелкія нужды, выступая безстрашно на защиту его интересовъ, революціонная соціалъ-демократія создаетъ въ средѣ рабочаго класса традиціи, которыя никогда не позволятъ буржуазной демократіи, какъ бы революціонно она ни выступала, тащить на своемъ буксирѣ рабочее движеніе“.

Организація пролетаріата — вотъ главная задача соціалъ-демократіи. Наши экономисты и полуэкономисты, повидимому, согласны съ этимъ положеніемъ, но на самомъ дѣлѣ они всегда сбиваются на другую точку зрѣнія, на „точку зрѣнія массоваго рабочаго движенія“. Организація пролетаріата, какъ наиболѣе революціоннаго класса, всѣми условіями своего существованія, предназначаемаго къ роли могильщика капитализма, т. е. къ уничтоженію общественныхъ условій, при которыхъ рабочая сила человѣка можетъ стать товаромъ, организація его въ особую политическую партію замѣняется или подмѣняется организаціей пролетаріата, какъ продавцевъ рабочей силы, организаціей, которая ставитъ себѣ цѣлью „борьбу за лучшую жизнь и права“. Экономическая борьба становится единственнымъ способомъ борьбы. Стачки являются панацеей. Какъ говорила редакція „Рабочаго Дѣла“, стачка — „это основная форма соціалъ-демократическаго рабочаго движенія въ Россіи“, это — „могущественное и главнѣйшее орудіе борьбы за лучшую жизнь, развитія солидарности, организаціи, дисциплины и политическаго воспитанія рабочихъ массъ созданія революціонной арміи и борцовъ за политическую свобо-

ду и торжество соціализма“.*) Ниже мнѣ еще придется коснуться роли стачки, какъ средства политической борьбы. Теперь мнѣ хочется только показать, что можно признавать за экономической борьбой громадное значеніе и не впадать въ тѣ крайности, между которыми шатается редакція „Рабочаго Дѣла“. А такъ какъ почтенная редакція заподозрила меня въ „чистомъ революціонизмѣ“, то я предпочитаю предоставить слово Каутскому: „Политическая борьба такъ же мало является для пролетарія *истинной* борьбой, какъ и экономическая. Нельзя отдѣлять одного способа борьбы отъ другого... Но кто вздумалъ бы отрицать, что стачки не только часто неизбѣжны для защиты организацій рабочихъ, ихъ standard of life'а и доставленія имъ возможности добиться извѣстныхъ выгодъ при расцвѣтѣ промышленности, но что въ очень многихъ случаяхъ онѣ являются единственнымъ средствомъ пробудить въ порабощенной, пассивной, тупой массѣ сознаніе своей силы, стремленіе къ организаціи и самостоятельности? Этапами поступательнаго движенія пролетаріата служатъ не только избирательныя побѣды, но и стачки, и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ большія стачки докеровъ и газовыхъ рабочихъ, углекоповъ, кирпичниковъ, стекловыдувальщиковъ, конфекціонныхъ рабочихъ и т. д. въ различныхъ странахъ имѣли такое же большое значеніе, какъ избирательныя побѣды въ Германіи, Бельгіи, Франціи“. Каутскій повторяетъ только взглядъ, давно уже высказанный Марксомъ, еще въ то время, когда онъ, по мнѣнію нашихъ Струве и Прокоповичей, былъ неисправимымъ „догматикомъ“. Но Каутскій никогда не согласился бы съ тѣмъ, что стачки являются „могущественнымъ и главнѣйшимъ орудіемъ борьбы за лучшую жизнь“. Поэтому къ вышесказанному онъ сейчасъ же прабавляетъ: „Правда, что непосредственныя *экономическія* выгоды стачекъ часто минимальны, а иногда и совершенно отпадаютъ; во многихъ случаяхъ онѣ преходящи и никогда не затрагиваютъ наемныхъ отношеній“. Ихъ значеніе состоитъ „въ моральномъ подъемѣ и усиленіи рабочаго класса“. И это значеніе, съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи, настолько велико, что его одного достаточно, чтобы

---

*) Въ своей первой статьѣ я привожу крайне характерную для этого настроенія цитату изъ брошюры: „Рабочее дѣло въ Россіи“. „Помощью однѣхъ только стачекъ мы, быть можетъ, никогда не добьемся необходимыхъ для насъ улучшеній въ политическихъ условіяхъ Россіи“. Основываясь на словахъ же самой редакціи, что она позволила себѣ дополнять и развивать мысли автора, я выразилъ предположеніе, не являются ли эти слова вставкой редакціи. Читатель можетъ теперь видѣть, имѣлъ ли я право сдѣлать это предположеніе.

показать необходимость руководства экономической борьбой пролетаріата.

Но для редакціи „Рабочаго Дѣла“ это слишкомъ просто. Питая особенное пристрастіе къ „экономической борьбѣ“, она хочетъ „разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ“, даровать ей такіе атрибуты, въ которыхъ она совершенно неповинна. Вотъ странный по своему логическому да и грамматическому построенію, второй абзацъ резолюціи, которая насъ теперь занимаетъ.

„Если съ точки зрѣнія соціальной революціи „экономическое освобожденіе *) есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство“ (уставъ Интернаціонала), то (!) съ точки зрѣнія грядущей политической революціи въ Россіи экономическая борьба является средствомъ по отношенію къ ближайшей политической цѣли соціалъ-демократической партіи, — завоеваніе демократической конституціи“. Въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька! Для чего редакціи „Рабочаго Дѣла“ понадобилось это сочетаніе — уму непостижимо... Является вопросъ: да поняла ли редакція „Рабочаго Дѣла“ смыслъ знаменитаго положенія Интернаціонала? Не увлеклась ли она словомъ „экономическій“? Не напомнить ли редакціи, что тамъ, гдѣ „экономическая борьба“ особенно упорно велась, мало помышляли объ „экономическомъ освобожденіи“? Не напомнить ли ей тотъ параграфъ устава, безъ котораго проводимый редакціей теряетъ всякій смыслъ, именно, что „экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства во всѣхъ его видахъ: нищиты, умственнаго отупѣнія и политической зависимости“.

Не хотѣла ли редакція „Рабочаго Дѣла“ сказать, что точно такъ-же, какъ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ является средствомъ экономическаго освобожденія рабочаго класса, такъ въ Россіи экономическая борьба явится средствомъ его политическаго освобожденія? Le mort saisit le vif. Редакція никакъ не можетъ освободиться отъ своего пристрастія къ экономической борьбѣ и опять хочетъ выдать часть за цѣлое. Параллель, проводимая редакціей („если — то“), лишена всякаго смысла, а, поскольку она имѣетъ таковой, выдаетъ то „экономическое“ шило, котораго не утаишь въ новой программѣ „Рабочаго Дѣла“.

Остается, наконецъ, третій абзацъ, теперь получающій особое значеніе, послѣ того какъ онъ былъ принятъ Съѣздомъ южныхъ комитетовъ и организацій Р. С.-Д. Р. П. Уже то обстоятельство, что Съѣздъ отвергъ только что разобранные нами пункты этой резолюціи, показываетъ, что отъ вниманія нашихъ южныхъ това-

*) „Экономическое освобожденіе р а б о ч а г о к л а с с а“.

рищей не ускользнула скрытая въ нихъ „экономическая“ подоплека. Но мы не можемъ считать вполнѣ безупречнымъ и абзацъ, принятый Съѣздомъ. При разборѣ его мы воспользуемся и комментаріемъ, имѣющимся въ отчетѣ Съѣзда.

„Въ виду того, что экономическая борьба и при настоящихъ условіяхъ можетъ вести къ частичному, хотя и минимальному улучшенію соціальнаго положенія пролетаріата, тѣмъ самымъ улучшая его боевую позицію въ борьбѣ за свое политическое и соціальное освобожденіе; въ виду того, что соціалъ-демократическая партія немыслима внѣ тѣсной связи съ массовой борьбой пролетаріата, въ виду того, что при русскихъ условіяхъ отдѣленіе политической борьбы отъ экономической, если даже допустить возможность этого, въ значительной мѣрѣ парализовало бы борьбу партіи за политическую свободу, — въ виду всего этого соціалъ-демократія должна руководить экономической борьбой пролетаріата, оберегая ее въ то же время отъ профессіональнаго, національнаго и т. п. эгоизма и пользуясь ею для революціонизированія рабочей массы“.

„Частичное, хотя и минимальное“! Начало резолюціи указываетъ на уступку, сдѣланную конечно какимъ-нибудь „непримиримымъ“, которые совершенно отрицали возможность какого-либо улучшенія при „настоящихъ условіяхъ“. Соціалъ-демократія исходитъ изъ того положенія, что не только „при настоящихъ условіяхъ“, т. е. россійскихъ, но и при западно-европейскихъ условіяхъ невозможно улучшеніе положенія рабочаго *класса*. Но она никогда не отрицала, что „при настоящихъ условіяхъ“ возможно даже не минимальное улучшеніе положенія *части* рабочаго класса, поставленной въ особенно благопріятныя условія; она только при этомъ прибавляетъ, что и такое *частичное* улучшеніе a la longue становится сомнительнымъ, не говоря уже о томъ, что иногда оно совершается въ ущербъ остальнымъ частямъ рабочаго класса. Мы видѣли уже, какъ оцѣниваетъ результаты экономической борьбы на западно-европейской почвѣ Каутскій. О частичномъ улучшеніи онъ даже не упоминаетъ и сильно напираетъ на то, что и минимальныя улучшенія преходящи. Громадное значеніе онъ придаетъ только *моральнымъ* результатамъ стачекъ. И онъ совершенно правъ. Можно признавать всю важность тѣхъ „частичныхъ, хотя и минимальныхъ“ улучшеній, которыя являются результатами экономической борьбы. Можно признавать ихъ даже въ большей степени, чѣмъ это сдѣлано въ комментаріи Съѣзда южныхъ организацій, который несовсѣмъ точно заявляетъ, что для насъ важны не непосредственно сами улучшенія. Вѣрнѣе было бы сказать, что возможныя „частичныя, хотя и минимальныя“ улучшенія важны для насъ не только непосредственно, но и какъ факторъ, облегча-

ющій нашу пропаганду. Но, и признавая все это, мы не должны забывать, что, какъ *соціалъ-демократы*, а не филантропы, по выраженію комментарія, мы, констатируя значеніе экономической борьбы, должны формулировать его нѣсколько иначе. Да и самъ комментарій все время говоритъ о моральномъ значеніи экономической борьбы. Мы думаемъ поэтому, что резолюція могла бы смѣло выбросить указаніе на „частичныя, хотя и минимальныя улучшенія", доставляемыя экономической борьбой, и указать на ея моральные результаты.

Нуждается въ поправкѣ и та часть резолюціи, которая указываетъ на невозможность отдѣленія при русскихъ условіяхъ экономической борьбы отъ политической. Это — варіація на старую тему о неразрывности этихъ двухъ способовъ борьбы. Изъ того, что, при русскихъ условіяхъ, экономическая борьба, говоря словами комментарія, „является актомъ политическаго преступленія", вовсе ещё не слѣдуетъ, что эта борьба становится *политической*. Борьба рабочаго класса принимаетъ различныя формы. Она является экономической, когда дѣло идетъ о "частичномъ, хотя и минимальномъ" улучшеніи его положенія „при настоящихъ условіяхъ", при сохраненіи основъ существующаго строя; революціонное значеніе она получаетъ постольку, поскольку показываетъ, что въ „классовомъ государствѣ" рабочій классъ встрѣчаетъ отчаянное сопротивленіе господарствующихъ классовъ даже тогда, когда онъ борется во имя интересовъ, осуществленіе которыхъ не грозитъ никакой опасностью „основамъ" общества. Она становится политической постольку, поскольку ея цѣлью становится диктатура пролетаріата, захватъ политической власти рабочимъ классомъ. Политической борьбой можетъ быть только *классовая*. А экономическая борьба, при всѣхъ ея достоинствахъ, можетъ охватить или выдвинуть интересы только одной профессіи или незначительнаго числа сопредѣльныхъ профессій. Къ этому надо прибавить опять, что и борьба отдѣльныхъ профессій (*частей* рабочаго класса) скорѣе всего влечетъ за собою „частичное, хотя и минимальное" улучшеніе, когда за ней стоитъ сила сплоченнаго политической борьбой, сознавшаго свои *классовые* интересы *рабочаго* класса. Напомнимъ хотя бы недавнюю стачку углекоповъ въ Австріи.

О другой отрыжкѣ „экономизма", о взглядѣ на рабочихъ, какъ на особую группу людей, для которыхъ нужны наиболѣе „ощутительныя", наиболѣе „осязательныя" средства для пробужденія въ нихъ сознанія своего политическаго безправія, я говорить теперь не буду. Объ этомъ уже достаточно говорилось, да взглядъ этотъ не нашелъ себѣ выраженія въ данной резолюціи.

Вернемся теперь непосредственно къ „Рабочему Дѣлу". Подъ рубрикой: „Средства политической агитаціи" мы читаемъ: „Въ

Россіи наиболѣе широко примѣнимымъ средствомъ для вовлеченія массы въ политическое движеніе является экономическая борьба, на почвѣ которой слѣдуетъ вести политическую агитацію; но нѣтъ никакой необходимости съ самаго начала вести политическую агитацію только на экономической почвѣ".

Эта резолюція представляетъ видоизмѣненіе одной изъ поправокъ, внесенной Союзомъ на „объединительномъ съѣздѣ". Въ ея первоначальной редакціи она гласила: „Экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство для вовлеченія массы въ активную политическую борьбу, *причемъ слѣдуетъ расширять политическую агитацію за предѣлы экономической борьбы**); но нѣтъ никакой необходимости съ самаго начала вести политическую агитацію только на экономической почвѣ".

Но въ той, и въ другой формѣ резолюція, не говоря уже о ея теоретической несостоятельности, свидѣтельствуетъ о недостаткѣ „чутья къ дѣйствительности" и плохомъ знакомствѣ съ „практикой". Нужно быть завзятымъ „догматикомъ" экономической борьбы, чтобы проглядѣть фактъ, не ускользнувшій отъ вниманія закоснѣлыхъ теоретиковъ. *Стаченое движеніе* въ теченіе послѣднихъ лѣтъ *затихло*, — экономическая борьба замедлила свой темпъ. Почему? Экономическая борьба въ ея наступательной формѣ прекратилась, потому что во время кризиса нѣтъ никакихъ шансовъ на повышеніе заработной платы или сокращеніе рабочаго времени. А чтобы вести оборонительную экономическую борьбу, чтобы бороться противъ пониженія заработной платы или увеличенія рабочаго времени, нужны сильныя организаціи съ большими средствами. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ стачки являются совершенно безнадежнымъ средствомъ, тамъ неудачи слишкомъ чувствительно напоминаютъ, что успѣшная экономическая борьба нуждается въ цѣломъ рядѣ условій, которыя могутъ быть созданы лишь интенсивной *политической борьбой*. Это прекрасно понялъ Бундъ, и въ тѣхъ же самыхъ резолюціяхъ, одну изъ которыхъ усвоилъ себѣ Союзъ, далъ цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ отдѣльнымъ организаціямъ, прекрасно показывающихъ, какъ мало основаній мы имѣемъ считать экономическую борьбу *наиболѣе широко при-*

---

*) Или какъ выражается Мартыновъ въ № 10 Рабочаго Дѣла: „Теперь передъ ними (передъ соціалъ-демократами. — Н. Р.) стоитъ задача — какъ придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ", стр. 42. Эта поправка была подвергнута на съѣздѣ самой строгой критикѣ со стороны товарища кевзорова. Но Союзъ, хотя и поправился опять, но только „изъ Нлька въ рогожку".

*мѣнимымъ средствомъ**). Наоборотъ. Предѣлы его примѣненія ограничены какъ во времени, такъ и въ пространствѣ. Наши „экономисты“, черезчуръ привыкшіе жить настоящимъ и плохо знакомые съ механизмомъ капиталистическаго процесса производства, возвели, какъ это обыкновенно дѣлаютъ практики, въ теорію то, что давало въ настоящее уже время наибольшіе практическіе результаты, и хотятъ свою „догму“ сдѣлать обязательной и для такихъ періодовъ экономическаго цикла, когда экономическая борьба имѣетъ очень мало шансовъ на успѣхъ. Эклектики придумали лучшій исходъ: въ періоды процвѣтанія соціалъ-демократы должны заниматься только экономической борьбой, во время кризиса — только политической. Сегодня — копейка на рубль, завтра на штурмъ! Довлѣетъ дневи злоба его!

„Та мысль, которую мы выразили въ „Историческомъ поворотѣ“ въ примѣненіи къ отдѣльному случаю, обоснована Каутскимъ въ примѣненіи къ взаимному отношенію между экономической и политической формами борьбы, сравнительное значеніе которыхъ поочередно падаетъ и поднимается въ связи съ „волнообразнымъ движеніемъ капиталистической промышленности“: въ періоды процвѣтанія на первый планъ выступаетъ развитіе экономическихъ организацій и соціальныя „реформы“, и, наоборотъ, промышленные кризисы — это времена рѣшительной политической борьбы, быстраго политическаго развитія, времена политической „революціи“.

Такъ излагаетъ взгляды Каутскаго тов. Кричевскій. Но онъ просто не понялъ Каутскаго. Констатируя данное явленіе, Каутскій не дѣлаетъ изъ него того вывода, который дѣлаетъ тов. Кричевскій. Изъ того факта, что въ періодъ процвѣтанія промышленности экономическая борьба пролетаріата имѣетъ, по выраженію Каутскаго, „больше всего перспективъ“, вовсе не слѣдуетъ, что въ теченіе этого періода *нужно* или *должно* отказаться отъ политической борьбы или, наоборотъ, что во время кризиса, когда экономическая борьба теряетъ эти перспективы, нужно или должно ее забросить и совершить на это время „историческій поворотъ“. Борьба пролетаріата за свое освобожденіе совершается въ различныхъ формахъ, и соціалъ-демократія, на которой лежитъ обязанность руководить всѣми формами этой борьбы, *должна*, конечно, использовать данное положеніе, поскольку оно благопріятно для извѣстной формы борьбы, но она *должна* въ то же время бороться съ тѣми иллюзіями, которыя возникаютъ въ такой періодъ. Когда промышленность находится въ состояніи расцвѣта,

*) Бундъ дѣлаетъ другую ошибку: онъ считаетъ экономическую борьбу „лучшимъ средствомъ“.

когда экономическая борьба идетъ особенно успѣшно, и когда у людей мало сознательныхъ или плохо знакомыхъ съ основными принципами соціалъ-демократіи эта борьба грозитъ превратиться въ единственно возможную, то соціалъ-демократія *должна* выступить *противъ этого увлеченія*, а не „отразить“ его „да еще въ увеличенномъ видѣ“. Когда экономическое положеніе ухудшается, когда начинаетъ свирѣпствовать безработица, когда среди рабочихъ ростетъ озлобленіе, когда они рвутся на бой, то соціалъ-демократія не должна сейчасъ же, „съ бацу“, броситься на штурмъ.

Но резолюція и сама говоритъ противъ того, что экономическая борьбая вляется наиболѣе широко примѣнимымъ средствомъ. По ея же словамъ, „нѣтъ никакой необходимости съ самаго начала вести политическую агитацію только на экономической почвѣ“.

„Нѣтъ никакой необходимости“! Для чего же тогда выставлять общее правило для всей Россіи, правило, полное противорѣчій? Могутъ быть случаи, когда первымъ толкомъ къ пробужденію протеста въ массѣ можетъ послужить стачка (экономическая борьба), могутъ быть случаи, когда такимъ толчкомъ можетъ послужить одно изъ безчисленныхъ проявленій политическаго и полицейскаго произвола, задѣвающихъ рабочаго, не какъ продавца рабочей силы, а какъ „гражданина“. Трагедіи оскорбленной „чести“ становятся все чаще въ крестьянской средѣ, и еще чаще случаются онѣ въ средѣ городскихъ рабочихъ. Часто самая „экономическая борьба“ (стачка) является средствомъ удовлетворить оскорбленную „честь“, средствомъ достиженія извѣстной политической цѣли. У насъ такія стачки почти невозможны. Для этого требуется цѣлый рядъ условій, которыя могутъ быть созданы лишь упорной политической борьбой. Нужно было очень сильное увлеченіе петербургскими стачками 1895-97 гг., чтобы могла зародиться мысль о примѣнимости всеобщей стачки, какъ политическаго орудія, въ Россіи („Пролетарская борьба“). Но и теперь возможны случаи, когда стачки будутъ возникать, какъ протестъ противъ условій, унижающихъ личность рабочаго. Иными словами, экономическая борьба будетъ развиваться на почвѣ пробужденнаго уже въ массѣ протеста. Мы не должны никогда забывать, что протестъ, возмущеніе развиваются въ передовыхъ слояхъ рабочей массы *независимо отъ нашего* внушенія. Наше дѣло — превращать этотъ протестъ въ сознательный. Мы должны также помнить, что протестъ вырастаетъ не исключительно на почвѣ экономическихъ столкновеній между рабочими и капиталистами, или, выражаясь словами одной изъ женевскихъ резолюцій: „къ развитію и политическаго, и соціалистическаго сознанія рабочаго класса слѣдуетъ стремиться путемъ агитаціи не только на почвѣ по-

вседневной борьбы наемнаго труда съ капиталомъ, но и на почвѣ общаго положенія пролетаріата и трудящихся массъ вообще въ государствѣ и обществѣ".

„Экономическая борьба" является однимъ изъ факторовъ интеллектуальнаго и нравственнаго пробужденія массы, — и въ этомъ отношеніи она имѣетъ громадное значеніе. Но его не надо преувеличивать, какъ и не слѣдуетъ преуменьшать значеніе другихъ факторовъ развитія классового самосознанія рабочихъ. Не надо забывать, что экономическая борьба является обоюдоострымъ оруді-емъ и можетъ развернуть свои хорошія стороны только въ томъ случаѣ, если ею руководитъ революціонная соціалъ-демократія. Пора намъ „практикамъ" понять, что „догма" нисколько не пренебрегаетъ экономической борьбой, что она только точно опредѣляетъ предѣлы ея „компетенціи". Тѣ тѣсныя связи, которыя установились въ теченіе послѣднихъ 7—8 лѣтъ между рабочей массой и соціалъ-демократіей, „догматикамъ" не менѣе дороги, чѣмъ „практикамъ". Вопросъ только въ томъ, какъ лучше использовать эти связи для нашей „конечной цѣли". Отвѣтъ ясенъ. Мы это можемъ сдѣлать только въ томъ случаѣ, если экономическую борьбу будемъ непрерывно связывать съ политической борьбой, а она, въ противоположность экономической борьбѣ, которая всегда является мѣстной или профессіональной, не можетъ не быть *классовой*.

Намъ кажется, что по вопросу объ экономической борьбѣ всѣ соціалъ-демократы могли бы согласиться съ слѣдующимъ проэктомъ резолюціи, который можетъ въ тоже время служить резюме всей этой главы:

„Принимая во вниманіе, что соціалъ-демократія, какъ передовой отрядъ рабочаго класса въ борьбѣ его за свое освобожденіе, должна всѣми силами содѣйствовать его организаціи во всѣхъ ея формахъ.

Что экономическая борьба имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго подъема и усиленія рабочаго класса.

Что руководство экономической борьбой пролетаріата является лучшимъ средствомъ воспрепятствовать возникновенію и укрѣпленію различныхъ формъ „чисто рабочаго" движенія, создавая въ его средѣ традиціи, которыя никогда не позволятъ буржуазной демократіи, какъ бы революціонно она ни выступала, тащить на своемъ буксирѣ рабочее движеніе.

Соціалъ-демократія, ни на минуту не забывая, что экономическая борьба должна постоянно соединяться съ политической борьбой, какъ наиболѣе совершенной формой *классовой* борьбы пролетаріата, должна взять на себя руководство экономической борьбой пролетаріата, оберегая его отъ профессіональнаго, мѣстнаго, національнаго эгоизма и постоянно выдвигая на первый планъ его классовые интересы".

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вопросъ объ объединеніи нашей партіи является теперь злобой дня. Вредныя слѣдствія раскола проявились въ такой сильной степени, потребность въ объединеніи такъ сильна, что многіе товарищи готовы помириться хотя бы даже съ компромиссомъ, лишь бы покончить съ такимъ положеніемъ. Но такой гомеопатическій способъ леченія можетъ только повредить нашей партіи.

Какъ бы ни было важно объединеніе, никогда не надо забывать, что объединеніе, купленное цѣною принципіальныхъ сдѣлокъ, очень ненадежно. Въ „компромиссѣ“ закрѣпляется цѣлый рядъ явленій, уже отживающихъ. Такимъ образомъ только искусственно удлиняется жизнь всякихъ отжившихъ принциповъ. Объединеніе, являющееся результатомъ принципіальныхъ уступокъ, можетъ только задержать ростъ партіи. На этой точкѣ зрѣнія все время стояла группа: „Борьба“, о чемъ достаточно свидѣтельствуютъ выработанныя ея представителями женевскія резолюціи. „Объединять“ не значитъ „примирять“: „примирителю“ во имя „примиренія“ приходятся часто жертвовать тѣмъ или другимъ принципомъ. И объединеніе имѣетъ смыслъ только тогда, когда логика жизни въ союзѣ съ логикой теоріи достаточно подготовила для него почву, когда объединяемые соединяются не какъ „побѣдители“ и „побѣжденные“, а какъ люди, *убѣжденные* одними и тѣми же фактами, убѣжденные въ однихъ и тѣхъ же принципахъ.

Но „Улита ѣдетъ, когда то будетъ“! Логика жизни дѣйствуетъ очень медленно, и не лучше ли объединеніе хотя бы съ компромиссомъ, чѣмъ разъединеніе безъ него? Развѣ у насъ нѣтъ примѣровъ, доказывающихъ, что объединеніе,

даже купленное цѣной компромисса, приносило громадную пользу партіи?

Къ сожалѣнію даже среди тѣхъ товарищей нашихъ, которые отличаются большей принципіальной выдержаностью, распространяется мысль, что объединеніе настолько необходимо, что его можно было бы купить даже цѣной принципіальнаго компромисса. „Блестящимъ урокомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить исторія германской соціалъ-демократіи. Когда въ 75 году на Готскомъ конгрессѣ должна была быть сдѣлана попытка соглашенія между эйзенахцами и лассальянцами, Марксъ изъ за границы прислалъ Либкнехту свое знаменитое письмо, въ которомъ металъ громы и молніи противъ лассальянцевъ и клеймилъ союзъ съ ними, какъ преступный компромиссъ. Однако письмо Маркса не было опубликовано по требованію Либкнехта и „преступный компромиссъ" былъ заключенъ. Да еще какой компромиссъ! Въ Готскую программу была включена главная ересь Лассаля „желѣзный законъ" заработной платы и требованіе устройства „производительныхъ ассоціацій" съ субсидіей отъ государства. И однако съ этой „программой-компромиссомъ" германская соціальдемократія дружно работала 25 лѣтъ и т. д. и т. д. (изъ заключительной рѣчи предсѣдателя съѣзда южныхъ комитетовъ и организацій Р. С-Д. Р. П.)*).

Эти рѣчи противъ „нетерпимости геніальнаго Маркса" за послѣднее время слышатся у насъ часто. Начались онѣ съ легкой руки товарища Мартынова, который только повторяетъ слова западно-европейскихъ противниковъ „догмы". Кончаются онѣ, конечно, правоученіемъ, которое приглашаетъ насъ не слѣдовать примѣру „геніальнаго, но нетерпимаго Маркса". Но всмотримся въ дѣло поближе. Дѣйствительно ли Марксъ въ этомъ дѣлѣ былъ такъ не правъ, какъ это кажется „не геніальнымъ, но терпимымъ людямъ"? Дѣйствительно ли былъ онъ, какъ теперь любятъ выражаться, „сектантомъ", для котораго „буква" дороже живой дѣйствительности?

Уже то, что намъ извѣстно о дѣятельности Маркса въ

*) См. «Летучій Листокъ Группы Борьба» № 1 и отдѣльный оттискъ изъ «Листка», гдѣ напечатаны протоколы Съѣзда.

Интернаціоналѣ, должно было бы заставить насъ отнестись съ недовѣріемъ къ этимъ обвиненіямъ. Интернаціоналъ до сихъ поръ остается недосягаемымъ образцомъ *классового* движенія, исключающаго всякій *сектантскій* характеръ. У Маркса никогда не было того, что отличаетъ *сектантовъ*. У него не было специфическаго „рецепта", котбрый онъ считалъ бы единственнымъ, всеспасающимъ. Лассальянцы, напримѣръ, въ его глазахъ были сектантами. Сектантомъ онъ считалъ и Лассаля. Почему? „Какъ всякій человѣкъ, который утверждаетъ, что имѣетъ въ своемъ карманѣ панацею для страданій массы, онъ сразу придалъ своей агитаціи религіозно- сектантскій характеръ. И дѣйствительно, всякая секта религіозна. Затѣмъ, именно потому, что онъ былъ основателемъ секты, онъ отрицалъ всякую естественную связь съ предыдущимъ движеніемъ. Онъ впалъ въ ошибку Прудона и искалъ реальнаго базиса для своей агитаціи не въ дѣйствительныхъ элементахъ классового движенія, а хотѣлъ этому движенію предписать путь по опредѣленному доктринерскому рецепту".

Только отсутствіе такого „доктринерскаго рецепта" дало Марксу возможность написать классическій уставъ Интернаціонала и въ теченіи долгаго времени быть его душой, его Spiritus rector, не нуждаясь ни въ какихъ диктаторскихъ полномочіяхъ. Заставляетъ насъ отнестись съ недовѣріемъ къ этимъ обвиненіямъ и все то, что извѣстно намъ объ отношеніяхъ Маркса къ нѣмецкому движенію. Всегда шедшій во главѣ международнаго революціоннаго движенія, всегда удачно формулировавшій его злободневныя задачи, онъ, по словамъ Мерринга „никогда не имѣлъ нелѣпаго намѣренія вести какое нибудь революціонное движеніе на своей веревочкѣ". Недовольный направленіемъ, которое приняло нѣмецкое рабочее движеніе подъ вліяніемъ Лассаля, онъ еще въ концѣ 60 годовъ умѣлъ быть безпристрастнымъ по отношенію къ Швейцеру и старался насколько это было возможно, не вмѣшиваться въ борьбу нѣмецкихъ фракцій. Онъ прекрасно зналъ, что программа Эйзенахцевъ оставляетъ многаго желать, но, „набросивъ крупныя черты пролетарскаго движенія, онъ предоставлялъ ихъ теоретическую выработку импульсу, который дается нуждами практической борьбы". Считая, что „jeder Schritt wirklicher

Bewegung ist wichtiger als ein Dutzend Programme", онъ терпѣливо ожидалъ, пока обстоятельства позволятъ пойти *дальше* эйзенахской программы. По его мнѣнію, обстоятельства этого не позволяли („die Zeitumstände liessen das nicht zu". — изъ письма къ Браке). И если „программа-компромиссъ" возбудила сильное недовольство Маркса, то только потому, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она была еще слабѣе Эйзенахской. Ничего не имѣя противъ объединенія, зная прекрасно, что „одинъ фактъ объединенія приноситъ рабочимъ радость", онъ возставалъ только противъ „принципіальныхъ сдѣлокъ". И онъ былъ совершенно правъ*). Если, *несмотря* на эту программу, нѣмецкая соціалъ-демократія стала „сильной и единой", то мы еще не знаемъ, какой бы она вышла, если бы развитіе ея шло подъ руководствомъ болѣе точныхъ и ясныхъ принциповъ. Она, быть можетъ, была бы избавлена отъ тѣхъ колебаній, съ которыми мы встрѣчаемся въ концѣ семидесятыхъ годовъ, ей не приходилось бы выдерживать тяжелую внутреннюю борьбу въ серединѣ 80-хъ годовъ, она скорѣе бы избавилась отъ тѣхъ мелкобуржуазныхъ элементовъ, которые имѣли сильныхъ представителей въ парламентской фракціи 80-хъ годовъ. Именно потому, что „одинъ шагъ *дѣйствительнаго* движенія важнѣе дюжины программъ", намъ надо избѣгать, какъ огня, программы, которая осуждаетъ насъ на цѣлый рядъ шаговъ, представляющихъ не *дѣйствительное* движе-

*) Предсѣдатель съѣзда ставитъ Либкнехту въ заслугу то, что, по его требованію, не было опубликовано письмо Маркса. Не наоборотъ-ли? Марксъ не предназначалъ это письмо для печати. Оно писано было Браке для того, чтобы тотъ его показалъ Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Не опубликовано оно было потому, что этого не требовалъ Марксъ. Не желая вносить лишнихъ треній въ дѣла партіи, но и не желая брать на себя отвѣтственность за акты, которые онъ не одобрялъ, но которые, какъ и всѣ акты Эйзенахцевъ, ошибочно приписывались ему, онъ ограничился этимъ частнымъ письмомъ. «Сказалъ и спасъ душу свою», кончаетъ онъ свое письмо. Нѣкоторыми замѣчаніями Маркса составители программы все таки воспользовались. — Либкнехтъ поступилъ-бы болѣе мужественно, если бы опубликовалъ письмо Маркса. Напомнимъ, что и въ 1891 году оно опубликовано было Энгельсомъ безъ вѣдома Либкнехта.

ніе, а рядъ колебаній, совершенно безполезныхъ, а иногда и вредныхъ съ точки зрѣнія нашей „конечной цѣли“.

Если Марксъ ошибался, то только въ одномъ отношеніи. Разница между Лассальянцами и Эйзенахцами не была такъ велика, какъ ему казалось. То что для него было *компромиссомъ*, Principienschacher, для Либкнехта и его соотрудниковъ было точнымъ выраженіемъ ихъ дѣйствительныхъ убѣжденій. Достаточно вспомнить, что еще въ 1872 году редакція Volksstaat, органа Эйзенахцевъ, могла напечатать безъ всякаго возраженія статьи прудониста Мюльбергера, достаточно прочитать рѣчи Либкнехта конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, брошюры Бебеля „Unsere Ziele“, Браке: „Долой Соціалъ-демократовъ“, — и мы увидимъ, какъ много нужно было еще Эйзенахцамъ, чтобы стать послѣдовательными Марксистами.

Послѣ 1871 года главнымъ яблокомъ раздора оставался „организаціонный планъ“ лассальянцевъ съ которымъ ни за что не хотѣли согласится эйзенахцы, всегда возстававшіе противъ Personenculтus, требовавшіе организаціи съ выборными и контролируемыми должностными лицами. Когда прокуроръ Тессендорфъ разрушилъ *организацію* Лассальянцевъ, уничтожено было послѣднее препятствіе для объединенія. *Принципіальныя* разногласія между эйзенахцами и лассальянцами были слишкомъ ничтожны, чтобы мѣшать этому объединенію. И оно быстро совершилось. Программа объединенной партіи была, въ сущности, общей программой. Для такой принципіальной программы, котарая, по словамъ Маркса, „всему міру указываетъ пограничные камни, которыми измѣряется высота, достигнутая партіей въ ея движеніи“, время настало только пятнадцать лѣтъ спустя, когда „нужды практической борьбы“ дали достаточный импульсъ теоретической разработкѣ пролетарскаго движенія. Всякій, кому приходилось перелистывать „Соціалъ-демократъ“ второй половины восьмидесятыхъ годовъ, знаетъ, какая интенсивная умственная работа предшествовала Эрфуртской программѣ, которая одна только поставила нѣмецкую соціалъ-демократію на настоящую принципіальную высоту.

Спрашивается теперь, позволяютъ ли намъ „обстоятельства времени“ выработать такую партійную программу, которая не была-бы „программой-компромиссомъ“? Мы, съ

своей стороны, думаемъ, что не только позволяютъ, но и требуютъ этого. Мы увѣрены, что партійный съѣздъ, созывъ котораго является самой насущной и ближайшей нашей задачей, воочію покажетъ, какой сильный толчекъ дали теоретической разработкѣ пролетарскаго движенія „нужды практической борьбы“, „логика жизни“.

Союзъ тѣшитъ себя иллюзіей, что новая программа „формулируетъ максимумъ нынѣ достигнутыхъ нашей партіей задачъ, намѣчаетъ тактическія задачи и средства борьбы, которыя, какъ мы надѣемся, получатъ повсемѣстное примѣненіе въ ближайшее время“. Это самообманъ, достаточно осужденный жизнью. „Новая“ программа Союза такъ же мало идетъ впереди движенія, такъ же плохо формулируетъ задачи нашей партіи, какъ и старая. И чѣмъ скорѣе поймутъ это наши товарищи изъ Союза, тѣмъ скорѣе будетъ устранено одно изъ главныхъ препятствій для полнаго объединенія нашей партіи. Какъ старая, такъ и новая программа послужатъ для съѣзда предостереженіемъ противъ эклектическихъ программъ, вносящихъ неопредѣленность и безпринципность въ такую область дѣятельности, которая можетъ процвѣтать только подъ руководствомъ ясныхъ и опредѣленныхъ принциповъ. Это единственный урокъ, который можетъ извлечь изъ обѣихъ программъ Союза партійный съѣздъ.